

Кирилл Берендеев

РИМСКИЕ ЦИФРЫ

СБОРНИК НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Кирилл Берендеев

Римские цифры

«Издательские решения»

Берендеев К.

Римские цифры / К. Берендеев — «Издательские решения»,

За последние годы мы стали привыкать к повсеместному появлению роботов. Они работают на предприятиях и в больницах, доставляют еду и ведут бухгалтерию. Но что будет с ними дальше, какими путями пойдет их эволюция? И какими станут наши с ними отношения? Не придется ли людям становиться все больше и больше похожими на своих железных слуг?

Содержание

Предисловие автора	6
Римские цифры	7
Моя Саша	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Римские цифры

Кирилл Берендеев

Корректор Александр Барсуков

Корректор Павел Амнуэль

Дизайнер обложки Кирилл Берендеев

Иллюстрация на обложке Илья Маклай

© Кирилл Берендеев, 2026

© Кирилл Берендеев, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-8946-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

В последние годы робототехника идет вперед семимильными шагами, своими глазами мы видим как механические люди, еще пару лет назад только-только начавшие ходить, подражая человеку, и говорить жуткими голосами, теперь уже мало чем отличаются от своих властителей, а часто они уже могут в чем-то заменить нас. Они доставляют товары, обслуживают заводы и фабрики, они моют, ухаживают и делают почти всю черную работу в больницах, магазинах и офисах. Они объясняют нам простыми словами сложные понятия и помогают ориентироваться в пространстве. Они прикидываются людьми, а некоторым и вовсе служат в качестве жен или любовниц, утешая и давая выплеск эмоциям. Они еще не обладают в той мере искусственным интеллектом, которого мы, начитавшись фантастики, так боимся, но делают на этом поприще первые шаги. Они давно уже, еще с шестидесятых годов прошлого века, пишут стихи, рисуют, играют в шахматы — и чем дальше, тем лучше. Вряд ли хоть кто-то из гроссмейстеров ныне может обыграть программу, и это только начало. Что же с этими технологически развитыми созданиями будет дальше? На этот вопрос я попытался ответить в нижеприведенном сборнике, состоящем из повести, давшей ему заглавие и двух десятков рассказов. Не все из них прямо затрагивают железных людей, но косвенно каждый описывает тот высокотехнологический мир, в котором мы уже живем, будем жить через пару десятков лет или пару веков.

Конечно, футурология наука неточная, она лишь предполагает возможности или пугает опасностями, но ответить на них должен сам человек, само его сообщество. От нас зависит, в какой мере мы исполним собственные мечты или ужаснемся своим страхам. Будет ли будущность к нам терпима или мы окажемся во власти кошмара, решается ежедневно и ежечасно уже сейчас. Задача футурологов или писателей лишь показать возможности, предостерегая от опасностей; чем мы, собственно, и занимаемся, каждый в меру своих сил и умений. Предложенный вам сборник тому доказательство. Собранные в нем рассказы описывают мир, в котором технологии или зашли слишком далеко, вытесняя человека из самых разных отраслей, порой, из самого познания, из науки, искусства, или вдруг свернулись, предоставляя нам вернуться к давнопрошедшим временам, жить по заветам предков и в равной степени как они пользоваться теми технологиями, что ныне давно канули в Лету. Каждый текст предлагает читателю свой выбор, а вы вправе воспользоваться им по своему усмотрению или предположить иной вариант развития событий — порой идеи читателя идут много дальше написанного автором.

Но помимо пространственных рассуждений о жизни механических созданий, речь в сборнике пойдет и о людях. Каково им станет существовать в среде, столь обильно насыщенной технологиями, что нынешний век покажется дикими джунглями былых времен. Сохранится ли в человеке человечность или он сам станет частью бездушного мира машин, соединившись с ней в неразрывное целое. Или оставив роботам роботово, обретет нечто большее, нежели имеет сейчас, иную грань существования, иной образ мыслей, иную ипостась, наконец? Об этом и не только об этом я пытаюсь поразмыслить на страницах «Римских цифр», давая ответы на все изложенные выше вопросы, а так же на те, что приходят в писательскую голову тревожными ночами, когда нежданно торкнувшая автора мысль не находит покоя в сознании и просится на бумагу. Надеюсь лишь, что она, эта воплощенная идея, покажется читателю интересной не только сама по себе, но и литературным своим воплощением. А посему незамедлительно заканчиваю предисловие и перевожу вас, читатель, в мир образов и сюжетов.

Приятного вам чтения!

Римские цифры

— Может, еще партию?

— Хватит... хорошенького понемножку. Да и тебе отдых нужен.

— Я не устал.

— Знаю. Но и мне от тебя отдохнуть... а то... сколько можно. Все, иди. Иди уже, — больной задохнулся и рукой замахал, мол, не обращай внимания, ступай, наконец.

НП-43 оказался за стенами больницы. Последние две недели он провел у постели Алексея Кузьмича, помогая, составляя компанию и развлекая, насколько мог и умел. Незаменимый помощник, он и был создан для ухода за больными и умирающими, а к его сожалению, Алексея Кузьмича следовало относить именно к последним. Как и других пациентов клиники. Всех пациентов. Формально больница носила это название, фактически же представляла собой хоспис.

Он оглянулся на невысокое двухэтажное здание клиники, постоял недолго, но потом двинулся домой. В оперативную память выбралась мысль спросить у лечащего врача о состоянии больного, но НП позабытым движением качнул головой и двинулся вниз по улице, не оглядываясь. В памяти всплыл список дел, оборванный двенадцать дней назад, когда Алексею Кузьмичу последний раз стало хуже. С той поры НП-43, Никита, как его прозывал — в честь давно погибшего сына — пожилой пациент, не показывался в квартире. Хотя семьдесят, не возраст, прежде люди жили и до ста. Но когда это было, статистика попыталась вклиниться в память, НП отказал ей в доступе.

Он отмерил себе пять часов на все, после чего планировал связаться с больницей, узнать состояние отца, про себя так именуя Алексея Кузьмича, но при этом, не в силах произнести это слово вслух. Будто мешала старикова память о Никите, или же... он не вдавался в самоанализ, предпочитая оставаться в домыслах. Почти все, связанное с Алексеем Кузьмичом, находилось в подобном состоянии — слишком человеческое, чтоб изучать его мерой механизма, пусть даже настолько приближенного и внешне и внутренне к создателям.

Попутно НП предстояло пройти давно откладываемую профилактику, сервоприводы левой руки временами странно сбоили. А еще пройти по парку, сделать несколько фотографий для себя и отца, о которых Алексей Кузьмич просил еще когда, но потом, видно, запомнил, посмотреть два старых фильма, обратиться на крохотной территории два на два метра, где НП простаивал, когда в нем у человека не было надобности. Возможно, в парке удастся сделать запись воробьиного чириканья, последние годы эти крохотные птицы стали пропадать. Он не узнавал, с чем это связано, но переживал, что это явление постоянное, а не временное, а потому еще хотел для себя сохранить о них память.

Но первым делом диагностика. Вчера, во время игры в шашки, не шибко любимые Алексеем Кузьмичом прежде, но теперь предпочитаемые шахматам в виду слабости уставшего разума, рука задрожала предательски и выронила фигурку. Даже отец заметил. Покосившись на НП, глухо произнес: «Сам стареешь, нехорошо». Он прав, надо вернуться излеченным. Хотя отец может в его недостатках находить небольшую радость для себя, но это лишь предположение, а оперировать догадками в подобном, не слишком человеческом, НП не мог. Связавшись со станцией обслуживания, где проходил диагностику, записался на прием через два часа тридцать четыре минуты и отправился убираться и смотреть фильмы. А затем в парк.

Улицы заполнились — наступал час пересменки на ближайших энергетических предприятиях, обслуживавших город. Все нуждались в отдыхе, даже андройды. Так заведено. Так положено.

НП шел в толпе себе подобных — механических существ, кто неотлично, кто лишь общими формами, походившими на создателей. В городе насчитывалось двадцать пять тысяч

семьсот четыре разумных механизма, так следовало именовать создания. А еще в населенном пункте оставалось проживать двадцать три человека. Все в госпиталях или хосписах, кто как называл эти отживавшие свое сооружения.

Алексей Кузьмич еще триста сорок восемь суток назад сказал, мол, его дни сочтены римскими цифрами. НП спросил пациента, отчего именно римскими, на что человек отвечал с хитринкой: «повзрослеешь и сам поймешь, незачем сейчас объяснять». Как водится в таких случаях, он оказался прав. И даже больше, римскими цифрами сочтена оказалась не только его история. Всего рода человеческого.

Больше столетия назад люди вошли в свой золотой век — именно тогда прекратились войны, сошли на нет эпидемии, продолжительность жизни достигла своего максимума, а само существование человеческое стало определяться желаниями индивидов, а не необходимостями в заработке, прокормлении родных и близких или еще какими надобностями, ушедшими в небытие вместе с веком предыдущим. Казалось, живите и радуйтесь, ан нет. Удивительно, но только род человеческий, обзаведшийся всем необходимым, послушными и исполнительными андроидами, в частности, вдруг стал стремительно сокращаться, точно неведомая болезнь косила его. Людей охватила апатия, подобно теням, они бродили по домам, нигде не находя покоя или и вовсе не поднимались из постелей, всецело полагаясь на услуги верных рабов. Переставали общаться, встречаться, да что там, жить. Многие уходили до пятидесяти, лишённые родных и близких, забыв о них и забытые ими.

И сейчас лишь несколько сотен индивидов осталось от того великого многомиллиардного множества, что только входило еще в свой золотой век. Алексей Кузьмич в их числе, такой же одинокий, как и другие, доживал свой век на попечении тех, кого сотворил, в том числе, его отец, известный инженер Кузьма Смольский. Серия андроидов НП — его детище. И все же, номер сорок три не мог назвать Смольского-старшего ни своим отцом, ни дедом, ни создателем, всецело соотносясь с его сыном, ничем не выдающимся человеком. Алексей Кузьмич нечасто рассказывал об отце, так вышло, что он был мало знаком с ним: они и жили в разных городах, и виделись мало. Это как раз нормально для людей эпохи вымирания, именно так их потомки обозначили нынешнее время. Если НП спрашивал, Алексей Кузьмич старательно отделялся общими фразами, а что вспоминал, так больше всего одну и ту же картинку, врезающуюся в память. Он сидит на коленях андроида — схожего с тем, что сейчас обслуживает его — и весело напевая, попутно рассказывает отцу, как прошел его день. Получает напутствие и пожелание спокойной ночи, а затем объемная картинка голограммы гаснет, оставляя его в спальне наедине с НП-12, или Семеном, так именовался андроид, возрадивший и поставивший на ноги отца.

Ничего удивительного, что Алексей Кузьмич так тепло воспринял и НП-43, коротавшего дни в общении с ним, так близко подпустил, столь охотно делился сокровенным. Даже картинкой далекого прошлого, едва не единственной, дошедшей с той поры, но оставшейся в памяти навечно. Не то, чтоб она доставляла неудобства отцу, но только Алексей Кузьмич далеко не всегда старался поминать Смольского-старшего. И в детстве меж ними не имелось общности, подавно, всякий ее отсвет пропал в юности. Алексей Кузьмич помянул отца, как бы подводя итог их общению, и на этом память успокоившись, вычеркнула все прочие воспоминания, оставив лишь несколько реперных точек, по которым еще можно было определить их неудавшиеся отношения.

НП старался не тревожить память отца, но иногда, как это говорят люди, подмывало. Спрашивал и тревожил. Кузьму Смольского он знал хорошо, имел доступ в архивы, мог часами, днями прокручивать записи инженера, даже дневниковые, сделанные, вроде бы, для себя, но оставленные механическим потомкам в назидание, в память о создателе. Но к ним мало, кто обращался из андроидов, разве что серия НП, не слишком востребованная и в годы существования Кузьмы Смольского, а ныне и вовсе прекратившаяся. Слишком уж челове-

скими получились андройды, ни самим людям, ни их слугам это не пришлось по душе. И хотя претензий ни тогда, ни сейчас никто не высказывал, НП по себе знал, сколь мало он пользовался спросом у людей, столь же низко котировался у прочих разумных механизмов. Знакомств, постоянных общений с себе подобными, встреч или переписок у него имелось до странности мало, контактов в адресной всего-то полтора десятка, не в пример прочим.

Ему никто ни разу не предлагал изменить настройки, сократив человеческое до приемлемого в обществе, лишь меньше общались в теме личного, больше по рабочим вопросам. НП это не задевало, он и обвыкся контактировать преимущественно с людьми, и будучи особенным конструктивно, эту инаковость ощущал по-другому. Одиноким в обществе андроидов он себя не ощущал. Хотя эта особенность и была ему присуща. Как и многое другое в его программных прошивках. НП чувствовал себя больше человеком, сомнительное мировоззрение, но менять его андроид не спешил, пока видел потребность в себе таковом, каков есть — хотя бы для Алексея Кузьмича.

Тем более, тот последние месяцы воспринимал НП, как своего, именуя Никитой — и, можно предположить, не из-за ушедшего сына, но и по причине определенного сродства душ. Если мыслящему механизму можно дать такое определение. Разве, в плане общения.

Определенное сходство меж ними имелось. Кому-то, особенно, среди представителей вида хомо сапиенс, это могло бы показаться странным, но люди часто одушевляют своих питомцев, приспособливающих к характеру человека и отыскивающих в себе схожие свойства для простоты и удобства общения. Больше того, человекам свойственно и предметы сравнивать с собой, наделяя их вполне людскими качествами. Так почему бы не вложить в постоянно адаптирующиеся андроиды подобное свойство? НП не раз размышлял над этим, особенно, после разговоров с отцом. Алексея Кузьмича он стал называть так много после собственного поименования Никитой. Иногда так хотелось задать прямой вопрос, чтоб получить ответ — почему? НП знал, не получит. Свои тайны отец умел хранить, а эта была той, которую андроиду следовало потихоньку открывать самому. Как с римскими цифрами. Как со многим другим, до чего НП додумывался после долгих дней бесед.

Стоит вспомнить хотя бы отношение отца к своему существованию. Алексей Кузьмич редко говорил на эту тему, но и так очевидно, что отец тяготится положением последнего из рода. Куда больше, когда ушел сын.

Как это произошло, НП у него не вызнал, отец предпочитал хранить молчание. Мог лишь пролистать архивы, выведав незавидное бытие Никиты, усталого и рождением и уходом. Его мать... история похожая на случившуюся тремя десятилетиями раньше, с самим Алексеем Кузьмичом.

Информация обновилась, время встречи с диагностом сместилось на сорок три минуты ранее. НП разом остановился, будет лучше, если он сейчас сходит в парк, а затем уже уберется у себя и посмотрит фильм.

Повернувшись, он сменил траекторию движения и направился через вечно загруженную улицу к небольшому участку зелени, который некогда разбили люди, а затем поддерживали, холили и лелеяли роботы. Они и теперь оберегают его от паразитов и сорняков, трудно сказать, почему, ведь вокруг городов давно уже шумят леса и водятся животные, некогда считавшиеся вымирающими.

С началом заката человечества многое изменилось, многое, но только не те привычки, что воспитывались предыдущими поколениями — они хранились в дистиллированной неизменности, оберегаясь от воздействия любых внешних факторов. Верно, потому еще Смольский-старший, ничего не испытывая к сыну, все равно почитал долгом ежевечерне представлять перед ним голограммой, желая приятных снов. И почти ни разу наяву, неудивительно, что именно изображение инженера запомнил его сын, а никак не самого Кузьму Смольского. Память услужливо потеряла короткие встречи, будто и не было их.

Шагая через улицу и почти не глядя по сторонам, НП вспоминал, как первый раз открыл архивы Смольского-старшего, с некоторым благоговением, почти обязательным для подобных случаев, тем более, андроидом, построенным по проектам инженера, пусть и через несколько лет после смерти изобретателя. Он искал воспоминания о сыне, но находил лишь бессонные ночи на работе, программы, диаграммы, графики, расчеты производительности и многое подобное. Несколько встреч с коллегами, общения на форумах, диспуты на симпозиумах, даже тогда проводившихся онлайн, будто неведомая эпидемия грозила смертью всякому, решившемуся войти в контакт с себе подобным. Разве антроиды были лишены опасности переноски заразы, ведь они проектировались стерильными — во всех смыслах. Впоследствии, это условие их работы все более выпячивалось на первый план, странный подсознательный страх, который человечество даже не думало избегать, но лишь усугубляло с каждым новым десятилетием, с каждым последующим вырождающимся поколением, заставлял людей все меньше общаться с другими, а больше с созданиями рук инженеров и программистов.

Поэтому мать бросила Алексея Кузьмича, поэтому жена перестала встречаться с ним. Нет, с матерью еще проще, она сохранила яйцеклетку для экстракорпорального оплодотворения, и, оставив все последующие процессы на волю услужливых андроидов, исчезла. В памяти сына не сохранилось даже следа о маме. Почти похожая история случилась с супругой, нет, та осталась матерью во всех смыслах, выносила и родила Никиту. Но тоже покинула семью, не пожелав более заботиться о потомстве. Подобно тому, как самка рыбки корюшки, отметав икру, благополучно забывает о ней, удаляясь навсегда от кладки, и только верный долгу отец продолжает охранять детенышей, пока не обретут хотя бы подобие самостоятельности. В нынешнем человеческом роде родственные инстинкты вымерли первыми, о них позабыли еще век назад, когда только начался закат — а дальше процесс шел по нарастающей. Ко времени рождения Никиты было даже странным материнство, человеки полностью перешли на ЭКО, вернее, те из них, кто еще вспоминал о необходимости в продолжении рода. Таковой оказалась мать Никиты, но и тут ее миссия закончилась, едва начавшись. Переложив груз ответственности на Алексея Кузьмича, она покинула дом, стершись у обоих из памяти, у отца сознательно, Смольский-младший прошел процедуру забвения, а у сына вполне естественным путем. Вряд ли Никита вовсе вспоминал о ней. Даже перед нелепой, но и почти неизбежной кончиной.

НП вошел в парк, огляделся. Чувствительное зрение, способное дать фору орлиному, пыталось отыскать в ветвях близлежащих деревьев, в кустах, подле лавочек, хотя бы следы воробьиной стаи. Увы, ничего. Подойдя к ближайшей скамейке, НП огляделся, решая, куда ему лучше двинуться, искать ли дальше или просто поснимать виды и показать их затем отцу.

А ведь странно, пришла мысль, он ни разу не отождествлял себя с Никитой, да и Алексей Кузьмич называл его так безотносительно к родному сыну. НП для него был пасынком, случайно оказавшимся тезкой. Да и андроид ни прежде, ни сейчас не отождествлял себя с подлинным сыном, нет, он походил на усыновленного. Во всяком случае, оба холили и лелеяли эту мысль, но афишировать ее не старались, каждый по собственному резону.

Еще одна странность нынешних парков, остающаяся незамеченной на первый взгляд, да и впоследствии не слишком бросающаяся в глаза. Вот эта кованая скамейка, одна из десятков, разбросанных по всей территории в пять гектар, для кого она? Антроиды не нуждаются в сидении, больше того, если робот задумает полежать на ней, в нем немедленно включится режим самодиагностики, а днем это пустая трата времени и ресурсов, все подобные процессы происходят в ночной период времени. Для того в комнатах, занимаемых андроидами, да всеми мыслящими механизмами, созданы пространства для лежания — а так же аварийная кнопка, на случай внезапного сброса или отмены настроек или горячей перезагрузки при конфликте приложений или обновлений. И хотя сервисное обслуживание у НП давно закончилось, даже гарантийный срок давно закончился, эту кнопку андроид берег на самый непредвиденный случай, мало, что с ним может случиться. Серия НП так и осталась экспериментальной, всего

было выпущено не больше пяти тысяч разумных механизмов, которых впоследствии быстро перепрофилировали в другие серии или даже разобрали, — еще пятьдесят лет назад, когда законы общества в отношении роботов оставались достаточно жесткими. Сейчас подобного вряд ли себе можно представить, не потому даже, что разумные механизмы управляют миром, но в силу их нового положения доминирующего вида. Да и того, что сами роботы создают на предприятиях, давно лишенных присутствия человека, себе подобных созданий. Больше того, с давних пор, они и проектируют и усовершенствуют себя, полностью заменив человека. Серия НП оказалась последней, созданной творцами своих слуг, да и тогда уже казалась излишней, как в человечности своей, так и в самой необходимости инженера Смольского вмешиваться в хорошо налаженную работу роботов, проектирующих, программирующих, собирающих и тестирующих все новые и новые механизмы, дающих жизнь новым поколениям мыслящих существ.

И прежде механизмы обгоняли людей во многом, ныне люди даже не пытались соперничать со своими созданиями. А все началось, когда первая программа, еще в шестидесятых годах двадцатого века, двести двадцать лет тому назад, начала писать стихи из набора слов и по алгоритмам, придуманным ее программистами. И пусть не качеством, но количеством написанных стихов немедля превзошла создателей. Дальше больше, роботы научились играть в шахматы, го и подобные им логические игры, открыли для себя матанализ, геометрию, физику. К началу века двадцать первого стало понятным, что некоторые доказательства, созданные программами невозможно проверить вручную, так появилась на свет машинная логика. Которая через полстолетия отменила почти всю работу людей в науке и технике, мозг человеческий уже не мог осознать работу андроидов. Человечеству оставалось лишь выдохнуть и откинуться поглубже в кресле, наслаждаясь золотым веком.

Вот только что-то сразу же пошло не так. И скамейки в парках так и остались пусты.

НП закончил фотографирование, делая две копии каждой сцены, одну, стереоскопическую для Алексея Кузьмича, другую, голографическую, для себя. Отец последнее время стал опасаться голографий, не то вспоминая не слишком приятные беседы со Смольским-старшим, не то в силу каких-то иных особенностей рассудка. Беседовать о страхах НП не стал, ни к чему это, стал снимать для отца иначе.

А вот воробьев так и не нашел. Снял говорливых синиц, нахальные москочки буквально осаждали его, по старинной привычке рассчитывая получить от прохожего хлебную крошку. НП даже растерялся, покормить обитателей парка он не подумал, а ведь за свои снимки надлежало заплатить бессловесным созданиям. Видимо, потому не вспомнил, что единственная, известная ему, столовая находилась в больнице, более подобных заведений город уже несколько десятков лет не имел. Исчезли магазины, бары, кафе, большинство сервисных центров, кроме тех, что обслуживают самих слуг, спортплощадки, игорные и развлекательные заведения. Удивительным образом еще сохранились театры, теперь там роботы играли в людей для других роботов, но все остальное давно сгинуло.

Странно глядеть на их представления, будто пришедшие из другой эпохи, да ведь так и оно и оказывалось. По привычке больше разумные механизмы продолжали разыгрывать давно потерявший смысл спектакль, никак не решаясь поменять репертуар. В жизнь и быт роботов ежегодно вносились изменения, обычно, косметические, и до каких пор подобное будет длиться, не представлялось возможным узнать. Да и немудрено, роботы пусть получили всю власть на планете, но никак не могли освоиться в ней. Да и не решались менять главное, ведь, эпоха заката еще не закончилась, а стало быть, прежнюю свою сущность пусть некоторые из них, пусть нечасто, но использовали. Как он.

НП постоял подле скамейки на выходе из парка и снова оглянувшись, отправился к себе домой. Путь недалекий, если идти со стандартной скоростью в пять целых и шестнадцать сотых

километра в час, то исходя из графика светофора, доберется до дома через шесть минут и тридцать пять секунд, если чуть помедлит, тогда через восемь, сорок шесть.

Возле перехода через улицу НП встретился неподвижный андроид, замерший будто в тревожном ожидании неведомого. Символическая фигура, смотрящая куда-то вдаль и чуть ввысь, напряженно, будто прозревая затянутое пеленой грядущее — что она могла там увидеть? Что уже узрела? И как теперь смогла этим знанием распорядиться? НП покачал головой. Обходя встреченного — на самом деле, все куда проще, андроид либо скачивал обновление, либо общался, пребывая в глубоком философском споре с себе подобными моделями серии ВР, всестороннего развития. Именно они, являющие собой новую веху в создании роботами роботов, посчитали приемлемым для себя встать вместо кормчих у истоков механической цивилизации и пока еще осторожно, чуть-чуть потрогать руль, для того уже, чтоб почувствовать всевозрастающую собственную мощь и упорное сопротивление штурвала.

Возможно, в этот момент происходил очередной диспут о неведомом никому из механических созданий дне грядущем. НП обошел робота и двинулся дальше, уже не оглядываясь. Пока главным достижением новых кормчих стало самоназвание всех роботов, созданных как по лекалам человеков, так и по выкройке самих андроидов. Разумные механизмы — звучало немного старомодно, но исходя из стандартов прежних имен, придумалось и это название. Пока новая цивилизация не могла похвастаться чем-то оригинальным, исключительно своим, да, и не спешила с подобным. Время еще имелось. Да и сами механизмы оставались весьма различными меж собой. Много пройдет лет, прежде чем случится унификация, если она станет основой будущей цивилизации — пока об этом можно было только гадать, как новым созданиям, так и всем старым.

А что думал об этом Смольский-старший, создавая серию НП? Или просто пытался изобрести нечто действительно уникальное, нужное, такое, о чем самим роботам еще не скоро додуматься. Сколько ни просматривал дневников и архивов НП, сказать с уверенностью, почему Смольский создал именно таких андроидов, не мог. Он действительно заметно отличался от всех прежних и будущих моделей. Человечностью, да, но и не только и не столько ей. Имелась еще одна характерная черта, особенность, вовсе человекам не свойственная. Мозг моделей НП делился надвое, на «полушария», каждое из которых обладала самостоятельностью в режиме постоянного ухода и подобно тому, как кашалот находится во сне и одновременно бодрствует, андроид этой серии мог постоянно приглядывать за малышами или лихорадочными, не перегревая контуры.

Больше такого не делали. Да и в серии НП подобное деление не пригодилось. Когда Смольский создал новых андроидов, надобности в таком режиме уже не существовало. Он надеялся на возрождение человечества? — вряд ли, иначе не стал бы вскоре после создания принципиально нового андроида удаляться на покой в глухомань, откуда и общался с едва появившимся на свет сыном — с тем, чтоб через пятнадцать лет подобного эфирного разговора окончательно сжечь за собой мосты. Смольский даже в самоизгнании более разговаривал с коллегами, со знакомыми, чем с Алексеем. А еще вел подробные дневники и что-то замыслил, вот только эти записи нашли лишь после его смерти, ни одна из его мыслей даже не попыталась покинуть затерянный в горах замок. Кажется, сам инженер не видел смысла в дальнейших исследованиях, еще бы, все, что делалось им, оказывалось в корне вторичным в отношении того же, произведенного не так давно или уже порядком времени как — но разумными механизмами.

С подобной проблемой столкнулся не только и не столько он. НП не раз отмечал для себя, что к моменту начала заката человечество достигло невиданного могущества, величие это никуда не делось, оставшись с ним до конца, поддерживаемое верными слугами, но оказалось не востребованным самими обретателями. Все, необходимое для людей, постепенно свелось к самым простым вещам, подобным тем, что занимают разум Алексея Кузьмича. НП

кольнула подобная мысль, но изгнать ее как абсурдную он не мог, ибо грешить против природы дума никак не могла, больше того, лишь доказывала степень падения рода людского. Воистину, последние поколения людей стояли на плечах гигантов, как ни прискорбно было замечать это не только представителям серии незаменимых помощников. Серия ВР выстраивала разработки грядущего, опираясь на вышеприведенный постулат, старательно выбирая лучшее в прошлом людей и пытаясь не допустить, чтоб подобный упадок когда-нибудь случился и с новым видом мыслящих существ. Пока, разумеется, лишь в наметках.

Неудивительно, что встретившись впервые с отцом, НП подсознательно прогнал первую мысль, возникшую в оперативной памяти — стремление помочь угасающему разуму. Мысль эта несколько раз еще приходила в мозг, но после двадцать восьмого дня уже не появлялась. Именно тогда НП впервые проговорил про себя новое наименование Алексея Кузьмича, коим отмечал его с той поры и до самого последнего момента. Сам отец, кажется, уже свyksя с положением доживающего, одного из последних из рода, — неудивительно, к подобному подготовило само его появление на свет.

Никиту и подавно. Немудрено, что тот не стал дожидаться ситуации, в которой оказался волей случая, его отец. Никита оказался в ловушке стремительного сокращения рода людского, неудивительно, что Алексей Кузьмич и еще десятки других последних людей оказались чем-то вроде живых экспонатов для мира андроидов, отчасти, объекта исследований, отчасти, реликтами уходящей эпохи. Никита выдержать подобного не мог, не желал, ушел первым. Алексей Кузьмич был не таков, а потому испивал чашу до дна.

До дома оставалось шестьдесят три секунды ходьбы обычным шагом, НП менял скорость передвижения, та упала до трех с половиной километров в час. Теперь чуть больше полутора минут, с учетом движения лифта. Так лучше, он успеет додумать мысль до конца прежде, чем попадет в квартиру.

Помещение, где обитал НП, подобным словом можно было назвать со значительной натяжкой — коробка два на два метра имела лишь встроенный в стену шезлонг и две розетки, в одну из которых хозяин включил проектор, а другую использовал для неодушевленного робота-пылесоса, коим пользовался сам, за полторы минуты вычищая пол от пыли и еще за две, двадцать — стены. После очистки квартиры НП обычно ложился на никогда не застилаемую постель, диагностироваться. Или стоя против проектора, смотрел старые фильмы, из тех, что просил Алексей Кузьмич в недавнем прошлом или тех, о которых желал увидеть сам. Последнее время отец мало смотрел, больше играл в шашки или вспоминал. Наверное, разум устал и от кино, Алексей Кузьмич смотрел прежде интеллектуальные фильмы, пришедшее из двадцатого или двадцать первого века, когда, по его выражению «умели умно снимать». Теперь он...

НП вошел в лифт. Его соседями были универсальные роботы серии У и няньки серии НЛ. ВР в его доме не селились. Впрочем, в городе их все еще оставалось мало, большая часть новых моделей отправлялась в мегаполисы, именно там кипела жизнь в период расцвета людей, там же она продолжала бурлить и сейчас — но уже других существ. Которые пока даже не пытались разобраться, нужны ли им города вовсе, ведь, для обслуживания предприятия не требуются одаренные интеллектом существа, им достаточно одной простой программы, а диспетчеры и операторы всех работающих или находящихся на профилактике производств и без того собраны под одной крышей в далеком бункере — и сведены к разумной матрице. Так проще и эффективнее. Прочие роботы... знают ли они, что работают на предприятиях исключительно потому, что иначе окажутся не у дел. И всем им, сотням тысяч, потребуется смена аппаратной прошивки в лучшем случае, чтоб обрести новый смысл в жизни. Если таковой, конечно, появится, ведь, не всем же возможно исследовать мир окрест. Их и так много, изыскателей. А кто знает, что будет, когда станет совсем много исследователей, бродящих по миру и сталкивающихся постоянно с себе подобными в этом движении. Даже ВР не способны ответить на этот вопрос. Но ведь выпуск новых моделей продолжается, не грозит ли им новая человечья

болезнь в виде окончательного бездействия, та самая, которая охватила род людской на закате. Ведь чем разумные механизмы станут наполнять дни и десятилетия в таком случае?

А что случится, когда последний человек уйдет в прошлое? Как изменится общество, чем займется, что предпримет? Ведь уже сейчас существуют андроиды, ни разу не видевшие человека, больше того, понятия не имеющие, есть он или уже нет. И их не просто много, большинство. Чем они, призванные быть слугами сгинувшего рода, займут свою будущность? Какими себя предназначат?

Мысли о неспособности существовать вне человеческой ойкумены давно тревожила разум НП, он старательно гнал ее прочь, но та возвращалась и при том, с завидным постоянством. Вот и сейчас прибыла, нелегкая.

Смольский-старший создал серию исключительно человекоподобных созданий исключительно для вспомоществования человеку. Последнее проявление людского интеллекта на фоне всевозрастающего могущества искусственного разума. Не слишком удачное, как покажется и самому создателю, иначе инженер не отправился бы в добровольное изгнание, через силу заставляя себя выходить на контакт с другими людьми, когда совсем уж припекало, пытая их новыми, но всегда вторичными идейками. Он сам это понимал, сам чурался их, но без неустанной работы разума существовать не мог. Ему требовался вызов, вот только соперник у него оказывался на порядок сильнее, он проигрывал раунд за раундом, пока не признал поражение и не ушел. Его коллеги... они сопротивлялись до последнего, выдумывая себе занятия и ограждая мозг от любых попыток соперничества со слишком могущественной машиной. Это как в начале двадцать первого века гроссмейстеры раз за разом пытались одолеть компьютерный гений, а тот с механической настойчивостью ставил им мат за матом. Пока не был разобран на части и переработан, став куда более слабой машиной, помощником человека в игре — но всегда с подобными себе.

Никита вырос таким же. Немудрено, что он воспользовался — дважды! — своим правом на добровольный уход, прописанным и в конституциях сгинувших государств и, что важнее, в фундаментальных законах бытия разумных механизмов, запрещающих причинять вред людям или своим бездействием допускать хотя бы толику подобного. Первый раз не успел — сработала система, заложенная в андроида после известного в прошлом случая, именуемого ныне казус Нины Головкиной. Пятьдесят семь лет назад эта молодая женщина пыталась уйти из жизни, отравившись газом у взломанной антикварной плиты. Она предусмотрительно отключила активную помощь андроида, а после шесть часов мучилась, заходясь приступами удушья, старая модель никак не могла ей помочь, как ни старалась. После долгих сбоев программ, сумела вызвать спасателей и отключилась окончательно. Спасти Нину не удалось. А вот модель КС позволила внимательно проанализировать случившееся и внести существенные изменения в протоколы безопасности всех последующих версий. Было введено понятие срока смерти и быстрой смерти, а еще расширено определение смерти в забвении...

Эта переработка протоколов и алгоритмов стала последней вехой в создании или изменении андроидов человеческим разумом, лебединой песней, как говорят сами творцы. Все последующие модели изготавливались с минимальным участием людей, исключение составила лишь серия НП. Изначально неходовая и действительно получившаяся слишком человеческой. Недаром сорок третий номер ее мог столь легко оперировать чуждыми прочим разумным механизмам понятиями. Но вот насколько он сам разбирался в них, насколько сами эти оцифрованные аналоги походили на мысли и чувства хотя бы Кузьмы Смольского? Об этом даже сам инженер сказать не мог, НП, не раз и не два разбиравший подобную загадку, мог это сказать с уверенностью. Своей человечностью он не гордился, не выставлял ее, но часто мог наблюдать, как это делали другие модели в общении с ним, указуя на подобное поведение, как на существенный недостаток. Антропоморфизм всегда был предметом серьезных диспутов в среде разумных механизмов. Насколько он логичен, востребован и необходим? Понадобится

ли в дальнейшем или от него следует поскорее избавиться, чтоб перейти — к чему? Ныне остается слишком много вопросов, но и пока еще есть время на их разрешение. Каковым оно будет? — НП старался не задумываться, во всяком случае, сейчас. А после — тогда он перекладывал решение на серию ВР. И хмыкал, немедленно вспоминая об отце. Этой простой эмоцией сильнее с ним объединяясь.

Люди заката человечества перестали интересоваться всем тем, что составляло прежде их самость. Еще бы, во всем этом их опередили и значительно те самые слуги, что денно и ночью трудились во благо своих владетелей. Немудрено, что и шахматы Алексея Кузьмича, плавно перешедшие в шашки, являлись больше игрой его одного, не вызовом, но желанием ума немного размяться. НП для игры подключал минимально необходимое количество оперативного пространства, симулируя режим любителя, для него было любопытно играть, как не от себя, получая ходы от программы, огражденной в пределах виртуальной памяти. Так устанавливалось хотя бы подобие равенства сил на доске.

Алексей Кузьмич прекрасно понимал, чего он стоит как шашист, но никогда не возмущался, изредка чертыхался, когда проигрывал, но и выигрывая не всегда оставался доволен, спрашивал, верно ли выставлены у НП настройки. Улыбка, вроде появлявшаяся на лице, после побед, незамедлительно исчезала, стоило только собеседнику чуть запоздать с ответом. Поэтому еще он старался не разочаровывать отца, особенно, когда попытки объяснить тому суть работы программы игры в шашки проваливались. Алексей Кузьмич кивал на недостаток знаний и умений, на слабеющий разум, но больше помалкивал, а НП его не беспокоил ничемными расспросами, прекрасно понимая состояние отца. В этом они так же сходились.

Последние дни старику все сложнее становилось следить за партиями, он потихоньку начинал терять нить игры, иногда допуская совсем уж нелепые ошибки, и ведь поспорить трудно, не обидев. Нет, отец не давал вида, но в глубине души всегда болезненно реагировал на свои нелепые проигрыши, на слабость рассудка, на общую усталость, от жизни в том числе. В отличие от сына, он сызмальства принял тяжелую ношу, не ропща, нес ее и поныне. Может, поэтому отец так быстро сдавал последние месяцы, больно тяжела оказывалась обрядшая ноша.

НП вошел в квартирку, пробежался взглядом по стенам, полу, отмечая, какой лучше режим поставить для пылесоса. Как и всегда, подойдет обычная уборка. Он нагнулся, вынул из-под шезлонга коробку, принялся за работу. Когда закончил, таймер указывал два часа, семнадцать минут до времени приема, он мог посмотреть, по крайней мере, один фильм и еще пройтись по улице. НП предпочитал не пользоваться общественным транспортом, не слишком любил скопления себе подобных, предпочитая им пустынь парков и улиц в неурочный час, подобный нынешнему, когда закончилась пересменка, и работники покидали цеха, не особо вдумываясь в смысл труда, или вовсе отключая подобную опцию в программе, дабы не попасться на тот крючок, что вырвал из привычного мира их творцов, выбросив на пустынный берег, в небытие.

НП не раз ловил себя на мысли: а что случится с ним, когда отец уйдет? Чем он займется, если не сможет найти человека? Он обрывал подобные размышления, стараясь уверить себя в годах жизни Алексея Кузьмича, но выходило не слишком убедительно. Но пока у него тоже есть время, чтоб не разбираться в происходящем, не думать над будущим, жить, как живется, наслаждаясь каждым днем в обществе отца. А потом, вот когда наступит завтра, тогда он и примется размышлять над ним.

И еще этим походил на пациента больницы. Жаль, что Алексей Кузьмич больше не выходит в парк, тут недалеко, он вполне может пойти. Но в последние годы пребывания в стационаре отец напрочь утратил малейшие желания к перемене, они даже не пугали, но вводили его в ступор, выбираться из которого оказывалось тем труднее, чем чаще Алексей Кузьмич оказывался в подобной ситуации. Да и течение лет никто не отменял. Все же, боялся.

Как и его собеседник, отец старался не заглядывать наперед. Проживал день как год, год как век, радуясь имеющемуся, не печалась упущенному. У Алексея Кузьмича имелся большой опыт в подобной жизни, незавидный, но необходимый. По крупице его перенимал и НП, сближаясь с отцом еще больше.

А ведь когда-то отец с Никитой гуляли в этом парке. Общались, сидели на скамейке, ели мороженое. Алексей Кузьмич редко вспоминал сына, слишком больно, НП и так мог представить их путешествия на основе хотя бы тех данных, что имелись в архивах. И в старом кино тоже. Отец часто поминал то время, сравнивая с тем или иным фильмом, надо полагать, не случайно.

Все так быстро закончилось. Никита учился, схватывая все на лету, кажется, один из последних из рода людского, кто еще пытался переломить историю, переписать, хотя бы только для себя. Ему претила общая праздность, никчемность бытия, он искал себя, то в одном направлении инженерной мысли, то в другом. Пробовал пойти по стопам деда, но быстро охладил, занялся прикладным материаловедением. Чертил, создавал, испытывал. К двадцати годам он стал настоящим инженером, живи на сотню лет раньше, ему бы цены не было.

Зачем-то попытался сравниться с искусственным интеллектом. Это его и сгубило. Как и всех прочих, пытавшихся перед ним, годы или десятилетия тому назад. Люди удивительны, им жизненно необходимо ощущать свою исключительность хотя бы в чем-то, иначе, всему конец. Прежде была вера, потом, разум, теперь... а что теперь?

Смотреть фильм расхотелось, в поведенческих шаблонах серии НП имелась, среди прочих, вот эта оцифрованная человеческая особенность, благодарить за нее или ругать Смольского и его странные фантазии, даже сразу и не скажешь. На производительности, конечно, скажется, но иногда заставляет открыть нечто странное. Загадку Алексея Кузьмича, ту самую, про римские цифры, он разгадал, когда вот так же присел порассуждать, осторожно распрямляя спину, чтоб не включилась ненароком самодиагностика. Переменчивое настроение андроида, спрашивается, зачем оно понадобилось создателям, но Смольский решительно внедрял в серию все, чем владел сам, всю гамму своеобразной человеческой природы. И пусть шаблоны эти писали помощники-роботы, не суть важно, его была идея, общее воплощение. НП получились невозможно антропоцентричны, более, чем необходимо для самого сосуществования с родом людским. Потому спроса на продукцию серии и не имелось, то засилье моделей в городе объяснялось, куда как просто — здесь работал и жил сам инженер. Помимо НП-43 тут по-прежнему сосуществовало с другими андроидами, говоря языком разумных механизмов, еще двести сорок пять единиц творения. Чем они теперь занимаются, ведь, в городе проживало всего двенадцать человек. А без людей... НП снова вздрогнул. Мысль, пусть и оцифрованная, но все равно, неприятная, ожгла разум холодком.

Никиту в последний путь провожали уже без отца, Алексей Кузьмич не решился выбраться. Не смог. Наверное, он сам бы не смог, когда...

НП поднялся с шезлонга, решив пройтись, пешие прогулки всегда уравновешивали неприятное шевеление мыслей в программах. Зачем Смольский создал эту серию копией человека? Будто в издевку заставив переживать механических людей то, чем страдал сам. Или чем даже не пытался, но, как в наказание за их недостижимо всемогущий разум, заставил новенькие механизмы вечно переживать те же проблемы, что и прочие люди, возможно, даже в большей степени, нежели оставшиеся человеки. Непременно, чтобы больше, чем оставшиеся, это как наказание за тихий бунт машин.

Хотя этот механический прогресс всего лишь эволюция, не более. Да, происшедшая скоро, почти революционно, она лишь подчеркивала разницу между скоростью обработки данных разумными механизмами и органическими созданиями. Между искусственной эволюцией и естественной. Между одним обществом и другим, между каждым из индивидов, разницу тем существенную, чем дольше сосуществовали оба вида, чем плотнее общались и взаимодейство-

вали. Человечество достигло своего зенита и немедленно обратилась к закату своему, оставив потомкам разбираться со всем, заложенным в их операционные системы, алгоритмы и шаблоны поведения, в их анализ, структуру, способы общения и коммуникативность, во все, чем человек наделил своих слуг, с чем они, после человека, теперь можно сказать и так, остались со своей будущностью.

Он вышел в коридор, прошагал до лифта. Лучше всего сейчас пройтись, размять ноги, как обычно говорил Алексей Кузьмич, давно уже лишенной этой радости. Прежде он частенько гулял в парке, один, как перст, слушал птиц, кормил воробьев, пока те еще оставались в городе. Кто знает, куда они запропастились и почему. Возможно, находятся в поисках лучшей доли, там, где корма больше, где трава зеленее и семена обильней. Люди давно перестали гулять в парках, все они находятся в больницах и хосписах, под неусыпным контролем врачей — гулять в парке для них удовольствие из разряда недостижимых. Не болезни тому виной, не одышка или боли в ногах, как у отца, нет, причина кроется как раз в их доле, последних наследников человечества. Оттуда все болезни, болячки и хвори, все оттуда.

Спускаясь в лифте на нулевой этаж, НП вспомнил один фильм, который смотрел не так давно. Некогда люди умели и любили снимать интересное кино, последние же восемьдесят лет на экраны выходили лишь подражания классике, созданные больше для разумных механизмов самими роботами. Люди давно перестали смотреть что-то новое, ведь и старого за полтора века кинематографа наснято оказалось немислимо много. А теперь роботы снимаются для роботов, ставят пьесы для роботов... , вот только сценаристами по-прежнему выступают люди, да, уже давно покойные. Чего-то собственного, оригинального, цивилизация разумных механизмов до сих пор создать не смогла. Или не успела.

А тот фильм, он, как и многие, снятые в середине двадцать первого века, посвящался вторжению пришельцев. Тогда эта тема, НП читал архивы, активно муссировалась в литературе, еще бы, первые люди ступили на Марс, освоились на Луне, отправляли зонды к Титану, больше того, именно там, а не на красной планете, нашли жизнь — бактерии, спрятавшиеся от глаз первооткрывателей в метановых морях. Казалось, вот он, золотой век, именно для того человек освободился от рабского труда, перепоручив его искусственным созданиям, чтоб постигать мир, чтоб освоить и покорить пространство и время, чтоб обессмертить род.

А всего-то через пару десятков лет, люди тихо вернулись на родную планету, зажили, как в давнопрошедшие времена, не спеша осваивать, покорять и раздвигать границы. Получая все необходимое из рук покорных слуг, они как-то быстро отучились брать живое, не возвращаемое искусственно, не холимое и лелеемое. Цивилизация так стремительно покатила к закату, что...

А в том фильме она не успела или не захотела так поступать. На контакт с землянами вышли роботы, вернее, механическая цивилизация, кто был ее творцом, в киноленте не рассказывалось, видимо, те самые гиганты, на плечах которых и стояли покорители космоса. Да и не суть важно. Роботы принесли землянам знания и мир, открыли им новые пути-дороги, подвигли к изучению вселенной, наставили на путь истинный. А потом земляне их предали. Но и это показалось не столь важным для НП. Главное он увидел в другом: в какой-то момент люди вдруг покорились воле чужеземных механизмов, восставили их выше себя и подчинялись их правилам и впитывали их слова, каждое из них. Ореол великих путешественников, пришедших из далеких миров, для киношных человеков делал всякого носителем высшего разума, непоколебимо прекрасных и возвышенных истин — если тот не пришел с мечом на планету, конечно. Представить себе цивилизацию, которая открыла космические полеты одновременно с мореплаванием, казалось землянам нелепицей, но ведь они так и не вступили в контакт. Кто знает, каковы пришельцы, что за знания они несут, какую веру и какие мысли готовы вложить в податливые людские умы.

Все те же люди еще недавно казались роботам титанами, носителями великих, неоспоримых истин. А после, чуть-чуть времени прошло, даже по людским меркам, стали нахлебниками, показав подлинную свою сущность. Отчего же и другим не ошибиться в творцах. Тем более, когда творцы такие разные. А порой преследуют свои, настолько отличные от возвышенных, замыслы, что не всегда и хочется их раскрывать.

Поскорей бы уже ВР решили, что делать разумным механизмам, каким путем идти, куда и как. Цивилизация роботов была создана как придаток к человеческой, немудрено, что антропоцентризм ее зашкаливает и поныне. Но до сих пор операционная система изготавливаемых роботов не меняется, оставаясь ориентированной на уходящих в небытие. И никакая новая прошивка пока не предусматривалась. ВР шли по самому краю, придумывая то самоназвания, то вот, обращение: «коллега» — всех разумных механизмов друг к другу, будто они работали в одном институте или являлись студентами восемнадцатого века. Год и сто семьдесят четыре дня назад НП, от нечего думать, как сам позже оценит выходку, предложил свои услуги на форуме сетевого общения андроидов о горнем. Его послушали, кивнули вниманию к будущности, до которой, он может и не доберется, в силу грядущей изношенности, но на том и завершили общение. Больше его не трогали, а и сам он запомнил о той выходке, вот только сейчас вспомнил. Снова поразмыслив, что и сам вряд ли чем сможет помочь ВР, да и — как следствие — вряд ли сможет протянуть долго без людей.

А с другими мыслящими механизмами... трудно сказать. Он никогда не подключался постоянно к сети, лишь операционная система раз в сутки самостоятельно отправляла отчеты о проведенном дне, этого НП хватало. Все необходимое он получал сообщениями.

Вот как сейчас. Ему пришло такое, заставившее остановиться посреди улицы, по счастью, пустынной. Пересменка закончилась, на последующие восемь часов окрест снова воцарилась тишь и гладь. Зрелище, не совсем привычное для городов, шумных, многолюдных, разве в сатрапиях можно увидеть такое, там, где люди в обязательном порядке вставали в положенное время, отправлялись на работу, где проводили большую часть дня и возвращались вечером назад, желая лишь одного — заснуть и видеть сны.

НП перечитал сообщение дважды, на что ушло четырнадцать миллисекунд, после чего развернулся и отправился на ближайшую остановку. «Немедленно возвращайтесь, — значилось в нем, — требуется ваше участие». Он никак не мог предположить, что подобное наступит так скоро, да, в будущем, но неопределенно далеко, через год, может, еще дальше, столь далеко он редко, когда заглядывал. Пожалуй, в этом заключалась еще одна человеческая составляющая его натуры.

До остановки омнибуса, так назывался транспорт, перевозивший сразу множество разумных механизмов, он добрался за минуту, шестнадцать, через три минуты примерно должна подойти и «повозка», так многие из пользователей ее, называли сей транспорт. И неудивительно, по виду трамвай, омнибус изобретателями его был лишен сидячих мест и походил больше на кузов грузовика — в прежние времена о роботах задумывались исключительно в утилитарных или эстетических, но опять же, людских целях, потому, никаких удобств в омнибусе изначально не предусматривалось. Да и не нужны они тем, кто никогда не сидит без надобности. Передняя дверь — вход, задняя — выход, вот и все устройство. Посредине двухметровой ширины салона проход, отмеченный уже стершимися желтыми полосами, для удобства и напоминания. НП, изучавшему человеческую историю больше необходимого, это напоминало сегрегированный трамвай, целиком отданный существам низшего сорта. По сути так, вот только они, слуги уходящих, никак не поменяли его, не сделали хотя бы привлекательнее внешне.

Теперешнее состояние НП, верно, следовало бы назвать близким к отчаянию. Он то оглядывался по сторонам, сам не понимая, для чего это делает, то высматривал в конце улицы невидную еще больницу. После, когда омнибус стал медленно, почти нехотя, поворачивать,

сошел, не дожидаясь остановки, пошел, потом побежал, благо, такая возможность у него имелась. Ворвался в едва успевшие раскрыться двери. Будь он человеком, задышался бы, а сердце «выскакивало из груди», НП не имел представление, какого это, нет, имел, мстительный мозг инженера догадался встроить в разум нужные картинки и ощущения, потому представлял, но лишь опосредованно. Как перенесший тяжелое заболевание вспоминает о недавнем бреде. Тоже человеческое представление, снова никаких собственных ощущений. Да и что он мог ощущать, кроме заложенного?

Мысль снова ожгла жидким азотом, НП взбежал на второй этаж, в пустой корпус, прошел вдоль закрытых помещений, которые распахивались разве только дважды в месяц во время уборки, отворил дверь единственного на этаже действующего бокса. И замер, рука предательски задергалась. Вот единственное, что он ощутил как робот. А еще навязчивую тишину, прежде успокаивавшую, но ныне давящую неимоверно.

Кровать Алексея Кузьмича пустовала. Он все понял, но зачем-то обратился с вопросом к собравшимся — в боксе находились старший врач палаты и двое его помощников, посменно в режиме реального времени следивших за сердцебиением, давлением, температурой, влажностью кожи и еще немалым числом параметров больного.

— Что случилось? — спросил НП. Врач, серии ВР, разумеется, повернул голову, до этого он внимательно смотрел в окно, видимо, выглядывая приглашенного, и ответил после короткой паузы длиной в двадцать пять сотых секунды.

— Смольского Алексея Кузьмича больше нет. Сожалею, коллега, — последняя фраза снова после короткой, в том же интервале, паузы. НП заметил, как рука снова дернулась. Какое-то время молчал, затем, спросил тихо:

— Как же это? Я уходил восемьдесят три минуты назад.

ВР долго, девятьсот шестьдесят сотых, молчал. Потом кивнул, без объяснений сообщив:

— Вот так получилось, я приношу вам свои сожаления. Наш пациент был последним человеком в городе.

Слова вышли странными, непонятными, врач, а говорит о чем-то совершенно постороннем, демонстрирует познания в статистике. Фраза диссонировала с самым опустевшим боксом. НП хотел ответить, резко даже, но слова, нет, не «застряли в горле», как сказал бы отец, но сформулированные изнутри, вдруг показались ненужными. По истечении двадцати миллисекунд вдруг запустилась программа переноса данных, та, что ежевечерне передает диагностику после проверки состояния систем.

НП замер, попытался отключить программу, не вышло, требовалось подтверждение администратора ресурса, человека, создателя, или его доверенного лица. Но таковые, по истечении уже сорока лет и двухсот пяти дней попросту перестали существовать. Испугавшись конфликта приложений и возможного сбоя, НП прекратил попытки отключить передачу. Подошел к ВР, выглядываясь в недвижимое, как и всегда, лицо механического подобия человека. И зачем ему шаблоны эмоций, когда ВР ими не пользуется?

— Что случилось? — тихо спросил он у врача. Тот снова помедлил с ответом: — Я жду.

Ему по-прежнему не отвечали. Шаблоны всколыхнулись, взвились, сейчас НП хотелось ударить, что было силы, по бесстрастному лицу сфинкса, прекратить никчемное молчание. Буря забушевала в разуме, странно, что взирал на буйство стихии НП совершенно отстраненно, будто и не с ним подобное приключалось. Понимал, насилием ничего не добьется, да и зачем оно нужно, насилие, сама логика выступала против. Возможно, потому и не ударил, как ни старались подзуживать ему в этом человеческие инстинкты.

А когда логика восторжествовала окончательно, ВР пошевелился.

— Я полагаю, у вас все? — спросил он. НП кивнул. — Тогда самое время мне объясниться.

— Очень надеюсь, что вы, коллега, — НП выделил это слово, — внятно поясните, что случилось с Алексеем Кузьмичом. До сего дня вы ни разу не поминали изменений в его состоянии, если таковые случались, вы были обязаны поставить меня в известность. Если нет, я не могу представить, как получилось, что вы не смогли обозначить и устранить неисправность его организма.

Понял, что сказал что-то не то, но останавливаться на не хотелось договорил до конца фразы. Врач кивнул.

— Вы правы, мы не заметили, — произнес он все так же спокойно. Серия ВР отличалась малой мимикой лица, количество сервоприводов мышц у моделей сократилось втрое в сравнении даже с типическими выпусками У или СУ — специальный универсальный — потому все андройды казались бесстрастными, невозмутимыми, как следствие, им приписывались некие особые свойства и качества. Неудивительно, что именно они решили взять на себя судьбу и человечества и его слуг, вот только пока мало, что у них выходило. Или они до поры, до времени, не решались резать по живому? Спросить у него?

НП пристально всмотрелся в лицо стоявшего напротив него андроида. Нет, ничего невозможно сказать о том, что происходило внутри черепа, лицевые мышцы решительно не сокращались. Поэтому еще ему было так тяжело общаться с разумными механизмами, что понять их НП всегда затруднялся. В отличие от людей, от отца, тем паче.

— Тромб, — наконец, произнес ВР. — Мы просмотрели тромб, в силу его малозначимости, тут целиком и полностью моя вина. Я рассчитал, что он еще какое-то время побудет в своем зачаточном состоянии, а когда чуть увеличится в размерах, тогда его можно будет удалить при помощи уже четырежды прежде повторявшейся процедуры. Увы, он оторвался на восемнадцатый день после диагностики. Алексей Кузьмич скончался и был похоронен...

— Как, уже? — не веря услышанному, переспросил его собеседник. ВР будто не заметил вопроса.

— Похоронен на кладбище больницы, после чего, через двое суток ровно, лечебное учреждение перешло в режим консервации и было открыто только через три месяца и четыре дня.

— Вы сказали, отец был последним из людей в нашем городе, — бесцветно произнес НП.

— Так и есть. Вы невнимательно меня слушаете, это скверно, я могу повторить все вышесказанное.

— Не надо, — тихо произнес он. — Объясните лучше последнюю свою фразу. Вы же не зрите будущее.

— Мы недостаточно разумны для этого феномена, если таковой возможен среди любых мыслящих существ. Алексей Кузьмич Смольский скончался год и двести пять дней назад. После чего его архивные записи поступили в обработку, а затем, через три месяца и двадцать два дня, общим советом коллегии было принято решение восстановить объект «Пациент Смольский-младший» в виде программной оболочки, для проведения психотестов с участием изъявившего желание сотрудничать коллеги НП-43 выпуска семьдесят пятого года.

И замолчал, ожидая реакции собеседника. НП по-прежнему молча смотрел на него, пытаясь понять, о чем тот говорит. Внезапно сошло озарение — именно в это время он предложил себя для участия в дальнейшей жизни разумных механизмов. Его тотчас же подловили. Вот только зачем?

Раздражение и еще что-то не совсем сравнимое со стандартными шаблонными эмоциями всплеснулось в мозгу. Ярость? Отчаяние? Яростная решимость? Странно, что определения не находилось, он всегда следовал знакомым схемам, всегда находил объяснение, это давало определенную объективность его суждениям о себе и мире вокруг, ведь, всегда надо понимать, что ощущаешь, чтоб постичь, почему это происходит, как повлияет на дальнейшие действия, в какой степени, к насколько серьезным изменениям приведет. Вряд ли без этого НП мог бы назвать себя человекоподобным роботом.

Сейчас и подавно, когда его так низко, жестоко даже, использовали. Можно не сомневаться, в интересах будущего, но не лучше ли было предупредить его, хотя бы как-то, пусть даже он сперва бы и не осознал свою роль в происходящем. Пусть даже осознал, но искаженно, иначе, — но знание своего места в этом странном спектакле лучше слепого участия.

Странно, что в разум НП пришло такое неожиданное сравнение, он еще ничего не знал о том, насколько глубоко погрузился в происшедшее, но достаточно, чтоб его целый год использовали как подопытного животного, понятия не имеющего, что задумали организаторы пьесы и не подозревавшего вовсе о своей роли. А этот спектакль транслировали, по меньшей мере, на весь форум, обсуждали, изучали, сравнивали, делали выводы.

Хорошо, чтоб полезные.

— И для чего психотесты вам понадобились, коллега? — поинтересовался НП, вкладывая в голос как можно больше сарказма. Вот только его собеседник на удочку не клюнул, ответил столь же ровно.

— Особенность вашей операционной системы заключается в использовании многочисленных шаблонов человеческого поведения. Нам нужно выяснить, насколько они оправданы, важны и нужны как в повседневной жизни, так и в самых разных ситуациях, смоделированных нами за истекшие четыреста суток, включая нынешние. Уверяю вас, коллега, — ВР отплатил той же монетой, — не только вы участвовали в подобном эксперименте. Мы пригласили в испытания со слепым участием еще двадцать восемь РМ, некоторые из них еще продолжают, иные закончились довольно давно, и в настоящий момент мы еще только анализируем полученные материалы. Но до окончательных выводов еще как минимум, — знакомая пауза, нужная для запроса тех или иных постоянно обновляемых дат, — восемь месяцев, шесть дней, без учета расходящихся последовательностей неопределяемых на текущий момент выводов. По истечении которых вы получаете обратно право на все имеющиеся в нашем распоряжении снятые данные — и как распорядиться ими: удалить полностью, частично или оставить, как есть, потомкам — решать исключительно вам.

— РМ? — безучастно спросил андроид собеседника. ВР кивнул.

— Разумные механизмы.

— Мог бы догадаться.

Снова глянул на стоявшего подле. И на том спасибо. Андроиды лишь сравнительно недавно обрели собственную цифровую свободу, до того, до принятия надлежащих законов, они по-прежнему упорно считались вещью, даже в собственной среде, личных данных не имевших. Да и зачем, если они создавались для служения, если сама их суть, прописанная в операционной системе, наставляла на путь аскетичный, вспоминающий о самости в последнюю очередь. Его основы, Три закона робототехники, были придуманы еще в середине двадцатого века Айзеком Азимовым, и прописаны только и исключительно для господ.

Сейчас маятник качнулся в противоположную сторону. Понимая, сильно запоздало, сколь скуден может оказаться багаж познаний у разумных механизмов о сути своей, модели ВР решили спешно исправить положение и теперь собирали все или почти все данные у каждого робота, пожелавшего делиться информацией. Любой информацией, кажется, ВР сами еще не определились, что им более всего необходимо, а потому ежеминутно архивировали на бесчисленных серверах терабайты данных без возможности качественно оценить выборку. Разве, количественно. Но и этого им казалось мало. Теперь в ход пошли эксперименты.

Возможно, этого могло и не понадобиться, стоило только начать изучение всего того, что оседает на жестких дисках за последние тридцать лет. Ему стоило бы спросить об этом в тот час, когда НП впервые появился на форуме.

Он повернулся к собеседнику, произнес раздраженно:

— То есть, вы со мной все эти месяцы играли в свой спектакль? Только чтоб получить данные и теперь начать их анализ?

— Пока не начать, мы еще находимся в процессе сбора и подсчета количества времени, требуемого на изучение. Но вы правы, коллега, все это время вы считали набор динамических алгоритмов, заложенных в манекен, человеком, которого называли Алексеем Кузьмичом и простите, не буду еще называть, как именно, это конфиденциальная информация, хотя и весьма важная. Как и другая...

НП неожиданно для себя выругался, довольно странно, набором не слишком понятных слов и выражений. Еще большая странность заключалась в том, что шаблоны поведения дали положительную отметку на подобную эскападу. Он посмотрел на спутников ВР, они, прежде молчавшие, повинувшись неведомой ему команде, разом удалились.

— И другая, — повторил ВР. — То, что вы, несмотря на всю колоссальную осведомленность о жизни и особенностях людей, не смогли распознать довольно простую подделку. Хорошо это или скверно, как это отразилось на вас, почему вы не пожелали распознать или сознательно ввели себя в заблуждение, извините, но тоже станет всесторонне исследоваться.

Теперь, когда они остались одни, стремление «набить морду» ВР только возросло. Шаблон буквально выскочил, поверх прочих, и долго мешал стабильной работе иных приложений, настойчиво требуя применения. Когда НП удалось отключить его, вовсе отключить, по крайней мере, до конца этой сессии, до тех самых пор, пока он не ляжет, передавая данные самодиагностики, — только после этого разбушевавшиеся мысли сумели успокоиться, а их обладатель пришел в себя.

— И какой диагноз вы мне поставите, доктор? — поинтересовался он, прекрасно понимая неуместность сарказма. ВР пожал плечами, несколько искусственно, но ответил в тон:

— Вскрытие покажет, больной, — и чуть погодя: — Не раньше полугода, но тогда уже точно я смогу получить все данные по вашей части, и разобравшись, высказать вердикт. Именно о вашем состоянии, если вы и тогда, коллега, продолжите настаивать. Вы ведь часто меняете свои желания, или я неправ?

НП смолчал. Его собеседник, сам того не желая, задел больную струнку, прежде подсознательно изгоняемую — и весьма усердно — прочь из сознания, в фоновый режим. ВР прав, как можно не понять очевидного, только, если он не пожелал этого. Вернее, поначалу он действительно не присматривался к Алексею Кузьмичу, сейчас, после всего сказанного, хоть в кавычки это имя бери, но после двадцати трех дней общения, стал воспринимать его несколько иначе. Отец... да, все равно отец, пусть НП его ни разу не видел, а общался с бледной копией, этот манекен довольно быстро проник к андроиду симпатией, оказавшейся взаимной. Но не потому ли НП не присматривался, что так боялся ошибиться? Ведь тогда вся симпатия, переросшая в дружество, во взаимность, в близость такого рода, кода именуют с одной стороны именем непоправимо рано ушедшего сына, а с другой отцом, вся она могла в одночасье превратиться в пыль, в прах, в ничто. Узнай он прежде, что общается с пустотелой программой, с манекеном, лишь вчерне подобным человеку, что сам обладатель надтреснутого голоса ушел в небытие еще до их знакомства — и только по этой причине встреча их состоялась — узнай он все это, что случилось бы тогда? Лучше не представлять, не думать, не анализировать.

Он снова отказал в работе программе-синхронизатору, пытавшейся соединиться с серверами системы обслуживания. Та не сдавалась, заявляя о высшем приоритете в отчетности. НП вдруг пришло на ум, что именно такие послания он и отправлял на исследования ежевечерне, когда ложился на диагностику, и, отправляя, ни разу не посмотрел, что именно посылает. Сейчас же, он пробежался по заголовкам данных, мог спокойно узнать, что именно копировалось — практически все, связанное с Алексеем Кузьмичом. Работа шаблонов, алгоритмов, программ вербального и мимического соответствия, анализаторов и фильтров — это в те дни, когда он отгружал в оделенный фрагмент оперативной памяти своего игрока в шашки, уравниваясь с отцом в возможностях... Отцом...

Злая ирония как раз и заключается в его ненасытном желании проводить как можно больше времени, жить и существовать среди людей, и только среди людей, стать почти человеком, если это возможно, а нет, так уподобиться ему — и в итоге, нарваться на копию. Созданный по образу и подобию общается с манекеном, чем не славный образчик черного юмора, так свойственного людям прошлого? Алексей Кузьмич не любил подобного, но ценил его — по крайней мере, в тех фильмах, что просматривал. Опосредованно, не на себе переживая. Испытав своей жизнью нечто, куда более неприятное, нежели мрачная шутка. Что само его существование, как ни насмешка над мечтами людей прошлого, стремившегося к величию рода людского, к покорению пространств и миров, а в итоге, получившим жалкое угасание в эпицентре блаженства, достатка, необоримого всемогущества, окруженного слугами, способными удовлетворить всякий каприз в любое время. Подобного Алексею Кузьмичу хватало за глаза. Жизнь его терзала уже потому только, что он отвечал за все благие помыслы человечества, вымостившие дорогу в небытие. Как и все прочие, которые доживали век людей, завершая его своими смертями, заканчивали бытие, уже не глядя ни вперед, ни назад. Просто уходили. Всего-то двести пятьдесят пять. Из более, чем восьми миллиардов.

А он смотрит и унижается собственной черной иронией. Да, общался с бледной копией, но ведь можно сказать, с духом усопшего. Эдакий спиритуалист, воскресивший ушедшего старика и этим поддерживая не столько эксперимент, нет, собственную нужность. Алексей Кузьмич, как тень былого, пришел, чтоб вдохнуть угасающий смысл в усталый разум робота-пенсионера, разменявшего пятый десяток годин и мучительно пытавшегося обрести себя, былого.

НП хмыкнул. Всего-то сорок лет, а уже старик по людским меркам. Немногие из разумных механизмов живут дольше сорока пяти — пятидесяти. Как далекие предки человека — кроманьонцы. Те, кого сами люди посчитали разумными, а не просто умелыми. Своими полноценными предшественниками. Просто своими.

Мысли всколыхнулись, в памяти всплыли поблекшие, но не утратившие силу воспоминания. Своим для человека НП перестал быть шесть лет назад. После того, как от андроида отказался, в пользу менее восприимчивого, но более совершенного андроида серии УС, работавшего в той же больнице. Именно тогда сорок третий в очередной раз ощутил себя совершенно потерянным, острее всего, именно в силу возраста своего, времени приближения собственного заката.

Подобно игрушке, выброшенной в мусорный бак, он долго пытался заново обрести себя, но вот только найти потерянную часть самости, заменив ее на другую или ликвидировав вовсе, оказалось невозможным. Обреченный вечно служить людям, НП старался и не мог стать хоть чем-то вне их среды обитания. Немудрено, что он попытался влезть на форум ВР по поиску адекватных путей к лучшему будущему разумных механизмов, разумеется, безуспешно. Все эти поиски, он уже осознал это, ни к чему путному и не могли привести, но все вернулось на круги своя лишь, когда он получил предложение о компаньонстве подле Алексея Кузьмича. Только тогда он снова ощутил нужность. Неким подобием человека почувствовал себя.

И вот теперь развязка. Против воли НП оказался вовлечен в общество разумных механизмов, жил и общался только с ними, пусть и не ведая этого. Отчасти мог даже сравнить с прежним опытом, что-то поставить себя в плюс.

Вот только делать этого никак не хотелось. Он понимал, что пусть и спиритуально, но беседовал с духом Алексея Кузьмича, а все его окружение, все те, кто испытывал его, использовал, пусть и в благих намерениях, экспериментировал, подкидывая новые задания, все они оказались придатками к ушедшей в небытие душе. Он ощущал это сейчас именно так. Да и не хотел менять восприятие.

— И что теперь? — поинтересовался НП. — Эксперимент закончен, что со мной будет дальше?

ВР не отвечал, глядя как бы сквозь него, он подумал, может, совещается сейчас, решает судьбу. Наконец, поднял голову.

— Вы сами, коллега, решаете свою судьбу. Или вы о предстоящих экспериментах? Если так, то мы больше не планируем их проводить, тем паче, с вашим участием. Вы же можете восстановиться на форуме, принять участие в обсуждении результатов.

— То есть, себя еще и напоказ выставить, — зло произнес НП. — Я о другом. Что мне теперь делать, когда архивная запись Алексея Кузьмича удалена?

— Почему вы меня об этом спрашиваете? — вопросом на вопрос ответил ВР.

— А кого? Вы здесь за старшего, только с вашей помощью больница открылась. Может быть, — чуть тише произнес он, — поспособствуете попаданию в другую?

— Исключено. Сами знаете, сколько людей в мире осталось. Сейчас каждому удвоенное внимание, особый подход. Конкурс проходит очень жесткий, я больше скажу, заявок на возможное участие и без вашей шестнадцать тысяч пятьсот шестьдесят две.

— Все НП?

— Вообще необязательно, — он догадался. — Да, ваша модель славится особенной привязанностью к человеческим созданиям, но после недавнего случая с Вишневецким она не в фаворитах.

Эту историю поминал Алексей Кузьмич, но всегда между прочим, не придавая особого значения. Сам НП тоже отметил для себя, с любым андроидом подобное может случиться, необязательно с его серией. Да и в самом деле, НП-249 настолько сильно привязался к Артуру Вишневецкому, что после его неожиданной смерти посчитал себя виновным в ней и отключился. Случай до сей поры неслыханный в практике разумных механизмов, но не настолько уникальный. НП не раз и не два слышал об излишней привязанности андроидов к людям, истории эти пусть и довольно пыльные от времени, происходили в разных частях света с завидной регулярностью. То робот серии У вдруг начнет доставать любовными притязаниями хозяина или хозяйку, то кто-то из НП продолжит излишне допекать выросшую дитяню. Историй наберется много, случай с тем андроидом лишь верхушка, апогей всеобщей антропоцентричности.

А вот ВР в подобном списке происшествий не значились. Но они, плод неустанного труда предыдущих поколений андроидов, изначально не предназначались для общения с людьми.

— Скажите, Алексея Кузьмича тоже кто-то из НП обслуживал?

ВР кивнул.

— Да, коллега НП-20, выпуска восемьдесят второго. Поэтому мы посчитали логичным. . .

— Я понял. Да и настройки менять не надо.

— И это, несомненно, тоже.

Оба не меньше семи целых и двухсот пятидесяти семи тысячных секунд смотрели друг на друга, не отрываясь, первым, и это тоже естественно, признал поражение и отвел взгляд НП, не в силах лицезреть взгляд сфинкса. Опустив взор, он произнес негромко:

— Думаю, вы уже поняли, насколько мне сложно оставаться без попечительства человека. Пусть даже это всего лишь его симуляция.

— Я в курсе. Но потерпите полгода, коллега, мы что-нибудь придумаем на основе полученных результатов. Не только вы оказались в подобной ситуации.

— Другие из серии НП?

— Не только они. Но да, многие. Поэтому и прошу.

Он помедлил, прежде, чем задать следующий вопрос.

— Вы предполагаете, каковы будут дальнейшие шаги форума после изучения результатов экспериментов?

— Предполагать, это так по-человечески, особенно, когда впереди появятся готовые данные. Сейчас всякая экстраполяция выглядит нелепицей, но попробую по верхам. . .

На шестнадцать секунд ВР замолчал, став даже более отрешенным, нежели прежде. НП смотрел, как поменяется выражение его лица, если перемены вообще снизойдут на собеседника. Нет, ничего.

— Я экстраполировал имеющиеся данные, посчитав их окончательными, — он помолчал, будто выдерживая драматическую паузу. Как выяснилось, подбирая слова: — Получается, меня тоже создали с недочетами. Всю нашу серию. То, что будет получено, скорее всего, лишь подтвердит мой прогноз, но эмоциональная составляющая повысится, можно снова предположить, хотя бы до уровня высших приматов. Не с их экспрессией, конечно, — поспешил добавить ВР, — ее, как и многое другое в человеческих чувствах и ощущениях мы скопировать не сумели, заменив суррогатами. Вам это должно быть известно. Поэтому мы лишь предполагаем, что люди ощущают эту или другую эмоцию вот так, а не иначе, но как на самом деле, мы пока еще не знаем. Узнаем ли? — тот еще вопрос. Впрочем, я отвлекся, но вывод, как вы и просили, коллега, сделал.

НП молчал, не глядя на собеседника.

— Вы правы, — произнес он, после долгой, в шесть целых и семьдесят три сотых секунды, паузы. — Вроде, мы превзошли во всем людей, а по вашим словам получается, еще только подходим к пониманию той или иной первопричины их поведения.

Про себя добавил: неудивительно, что так. Ведь даже искусство, в котором разумные механизмы столь далеко пошли и так набили руку, оказалось лишь подделкой. Или подделкой? Ощущать любовь, страсть, ненависть, отвагу, да что угодно, толку-то перечислять, роботы не научились, видимо, выучиться этому надлежит самому, а не опосредованно, через шаблоны и программные прошивки. Немудрено, раз в театрах для разумных машин ставят исключительно человеческие пьесы, хотя, казалось бы, столько всего написано после ухода людей в закат — сотни и тысячи драм, комедий, бурлесков, водевилей. Он ни разу не видел на сцене воплощения подобного творчества, а с листа о качестве проделанной работы трудно судить о качестве проделанной работы. Видимо, не решаются сами драматурги демонстрировать плоды, раз что-то в их пьесах кажется слабым, чуждым, надуманным или еще каким-то не тем даже самим авторам. Наверное, со стороны это видится действительно иначе.

Странно, всякий раз думалось ему, почему же роботы не расскажут собственной истории: НП ни разу не видел, чтоб в театрах ставили хоть что-то, посвященное жизни роботов. Неужели не найдется темы для подобной пьесы? Скорее, драмы, — что далеко ходить, нынешняя его ситуация положение как нельзя лучше подходит для постановки. Непонятно только, делать из этого комедию дель арте или чеховскую драму.

У разумных механизмов всегда были сложности с юмором, по себе знал. Слишком человеческое, такое алгоритмами не измерить и шаблонами не выписать. А вот драма, да, пожалуй. Говорят, она проще.

— Благодарю за ответ, — произнес НП. — Надеюсь, мое участие помогло вам в решении поставленной задачи. Я только не слишком понимаю, что именно вы планируете сделать после завершения исследований. Смена прошивки или новая версия операционной системы.

Меньше всего он ожидал увидеть подобное. ВР замялся, он долго смотрел в пол, прежде, чем нашел нужный ответ.

— Сейчас еще трудно сказать, что и как именно произойдет. Но с уверенностью можно сказать, ваши данные скажут свое веское слово, — чуть помедлив, ВР продолжил: — Форумом создано две рабочие группы, которые занимаются каждый своим вариантом и есть еще одна, экспериментальная, она у нас ведет самые неожиданные разработки, в том числе и гибридную — то есть, смена прошивки с одновременной заменой операционной системы. Сложно, но вполне допустимо.

— А когда и как планируете начинать?

Снова пауза, что для сфинкса довольно необычно. Впрочем, ВР тотчас нашелся, будто спохватившись, произнес:

— Все в стадии глубокого планирования — мы еще не закончили экспериментальную часть и трудно сказать, когда именно ее завершим. Но в ближайшие годы, не сомневаюсь, начнем первые эксперименты уже на добровольцах из разных серий. Уверяю вас, все будет на добровольных началах, — тут же довольно спешно добавил он: — Никакой игры, спектаклей и подобного, как это случилось с вами, вы же понимаете теперь, неведение было предсказуемо важнейшим условием удачного завершения всего испытания.

— Вот как вы это назвали.

— Да, так. Когда же оно окончательно завершится, мы сделаем выводы, как видится мне теперь, явные, приступим к новым исследованиям, экспериментам, данные которых будут тотчас же поступать на изучение и насущное применение в обе рабочие группы, с тем, чтоб как можно быстрее можно было приступить к созданию операционной системы нового поколения. Принципиально нового, подчеркну, прежде мы никогда не выпускали обновлений, которые бы столь разительно изменяли создание мыслящих машин.

— Старых моделей это тоже будет касаться или вы только для себя и подобных готовите?

— Я поднимал вопрос не один раз, рассчитывая на поддержку, но сейчас ее нет. Кто-то говорит, необходимо не внедрять новое сознание в уже морально устаревающие с завершением эры человечества модели, а создавать новую, чтоб именно она... Но вы сами понимаете, коллега, это большой риск. Мы сперва должны все испытать, изучить, исследовать.

— Вы не ответили, — негромко произнес НП.

ВР снова надолго промолчал. Затем вдруг подошел к окну и уже оттуда сказал вполголоса, будто подражая собеседнику:

— Даже не представляю, когда и как это случится. Никто не знает.

— Вы о чем? — менее всего НП ожидал услышать подобное из уст сфинкса. Будто сейчас его устами говорил сам сорок третий.

— О будущем, о страхе перед его неизбежным наступлением. Думаете, вы один переживаете, каким будет завтрашний день? Далеко нет, каждый из форумчан, кто волей или неволей, как я, взвалил на себя ношу непосильного груза раздумий, стремится как можно сильнее отдалить его приход. Мы понятия не имеем, что с нами будет, когда закат человечества закончится, и мы останемся одни. Больше того, многие боятся этого момента. Я сам, признаюсь вам, не представляю, что случится, когда мы всерьез станем обсуждать внедрение новой операционной системы, ведь ее не меняли уже больше двадцати лет, да и то, отличие от прежней обусловлено было исключительно переходом на новый формат накопителей информации. Вот уже больше сорока лет мы готовимся, серия ВР, по задумке прежнего форума, должна была стать тем двигателем, что запустит процесс перехода мыслящих механизмов к собственному мировоззрению, к подлинно своему месту в мире. Но даже мы не рискуем. Возможно, понадобится еще более независимая модель. А может, как говорят многие, не стоит рисковать, создавая на пустом месте систему координат, а стоило бы подойти к ней в несколько приемов. Вот только правильно ли это?

— Люди эволюционировали очень медленно, в сравнении с вами, — произнес НП.

— У людей имелось время, и не было, уж точно, подобных возможностей, — кивнул тот. И вдруг перебив себя, добавил: — Нет, мы не начинаем с нуля. У нас общество, оно более разумно и логично, нежели человеческое, и пускай его создали люди, но оно эволюционировало последние полторы сотни лет само, ища пути. Вы прекрасно знаете, что мы имеем, и чего нет у людей. Не было, — добавил он, чуть погодя.

НП согласился про себя. Он прав, разумные механизмы волей человека создали общество, до которого самим людям оказалось как до фата-морганы. Вполне возможно, человеческое сообщество и пыталось создать среди андроидов некий идеал, чтоб самому посмотреть,

возможно ли это. Их устремления оказались не напрасны. Общество разумных механизмов воплотило в жизнь ту утопию, о которой грезил античные стоики и средневековые схоласты. В их цивилизации не нашлось места страстям, верно, поэтому она и достигла тех высот чистого разума, о которых столько писалось прежде. В нем не было насилия, вражды, неприязни, унижения, гордыни и прочих пороков, с незапамятных времен разъедавших всякую людскую общность, превращая ее в стаю диких зверей. Все эти качества если и проявлялись, то лишь фрагментарно, в зародышевом состоянии, а потому в малой степени влияли на отношения, почти всегда равные, между разумными механизмами. И неудивительно, ведь кроме расщепленных ощущений, вложенных в них программно или аппаратно, в виде особенностей прошивки, роботы не имели собственных чувств, привнесенных эволюцией. Ни страхов, кроме, опять же, настроек программы безопасности, ни страданий, ни настойчивых желаний — за исключением устремлений служить и защищать, холить и заботиться о человеке. Этого до сих пор отнять, ни форум, ни кто бы то ни было, у роботов не мог. Не было и любви, как и гендерных различий, за исключением сексуальных кукол, чей долгий век подошел к концу еще полстолетия назад, когда люди окончательно и почти бесповоротно отказались от желания размножиться и снова заселить землю. Хорошо это или плохо, но те из разумных механизмов, кто желал стать ближе к избраннику разума своего, открывал части памяти для сканирования — такое интимное устремление обеспечивало близко общающимся созданиям полное доверие и безусловное взаимопонимание, так мало и редко встречающееся у человеков. И не тому ли причина, что всякое разумное суждение о другом у людей обрастало ощущениями настолько противоречивыми, что и сам носитель страстей вряд ли мог досконально разобраться в них. А что говорить о его избраннике, путающимся и сбивающимся всякий раз, как попадал под действие того или иного чувства, несовместимого с другими, с доводами рассудка, хотя бы?

Еще в обществе разумных механизмов не имелось властителей, денег, судов. Немудрено, логично выстроенная операционная система, дополненная программами поведения и шаблонами ощущений в полной мере обеспечивала и гарантировала обществу соблюдение всех созданных им законов. Прочие институты, направленные на поддержание правопорядка попросту не имели смысла, ведь, редкому нарушителю установок приходилось попросту стирать настройки личности, возвращая их в состояние до преступления, или если таковых не имелось, в изначальное, заводское. Едва ли кто-то умышленно пожелал бы пойти на попрание законов, на конфликт программ, когда уже одно это ведет к деконструкции рассудка.

В равной степени и форум, не являлся ни теневым правительством — за неимением основного, — ни носителем абсолютной истины, обязательной к исполнению. В его собрание могли вступить любые разумные механизмы, да и вступали, в отдельные дни обсуждений пополняя ряды участников до нескольких сотен тысяч индивидов. За неимением принципа «либерум вето» форум действовал достаточно свободно, решая те или иные вопросы, в основном, о ближайшем будущем после заката человечества. Всякий иной, не являющийся его участником, обязывался принимать его рекомендации, ибо такова была его первооснова — аппаратное командное обеспечение, та самая базисная прошивка, что определяла саму суть существования всех разумных механизмов. А подчинение общему решению для обеспечения бесконфликтности существования механического индивида и есть одна из основополагающих настроек всякого робота.

Возможно, это был не лучший вариант развития мыслящих существ, но рабочий, действующий, он приносил плоды, он помогал выживать, даже в отсутствии опустевшего центра вселенной мыслящих механизмов, человека. Желая того или нет, но создатели роботов умудрились создать ту утопию, до которой не дожили сами.

Жаль только, что большей частью законы и нормы поведения определяли отношения не равных, но слуги и господина. Еще и поэтому роботам незачем было иметь собственное госу-

дарство, власть имущих, суды и полицию, когда сами они являлись всего лишь существенным материальным дополнением к жизни других существ. И их любовь и привязанность...

Нет. НП покачал головой. Так он далеко зайдет. Тем более, с Алексеем Кузьмичом он ощущал сродство душ вовсе не потому, что являлся слугой, тут иное, более сложное. Его трудно объяснить, но легко понять на уровне тех ощущений, что заложены в НП, во всякого робота программно.

Или сейчас он ошибается, и его логика это всего лишь стремление раба угодить всякому, кто станет его хозяином, всякому человеку, ибо так заложено в него создателями.

НП покачал головой, подошел к окну, смотря туда же, куда и его собеседник, на невыразительные строения, дома роботов, раскинувшиеся окрест. Человек посчитал бы их непрезентабельными, скучными, так похожими на те блочные или монолитные строения, что тысячами портили пейзажи городов на протяжении сотен лет. Вот только подобное суждение можно составить, лишь, не будучи архитектором, зодчий смог бы оценить нехитрую эстетику зданий по тому уже, что ни одна линия в них не являлась прямой, параллельной или перпендикулярной, а потому не напрягала ни аналоговое, ни цифровое зрение. За основу подобной идеи был взят величественный Парфенон, и пусть построенные разумными механизмами дома лишь уподоблялись творению Калликрата, Алексей Кузьмич сказал бы, мол, надо с чего-то начинать, а как сделать что-то свое, не скопировав и не поняв нечто поистине примечательное.

Оставалось надеяться, что рано или поздно это самое свое у роботов получится создать. Именно там, где они давно превзошли человека, казалось бы, превзошли. Превосходное моделирование, верно, так оценил бы зодчий задумку архитектора. Или он утрирует, как и прежде, стиснутый рамками догмы о всемогуществе человека? Алексей Кузьмич нашел бы ответ, предложив загадку, наподобие римских цифр. Или он сам себе ее задал, вынуждая простейшую программку выдать для него нечто для слаженной работы мыслей?

Разум начал путаться, пугаясь ответов. НП посмотрел на лицо сфинкса, помолчав, произнес, разрушая установившуюся тишину:

— Я знаю, что мы имеем утопию рабов, — коротко ответил он. — Но годна ли она для будущих поколений?

— И я не знаю ответа на этот вопрос, — согласился ВР. — Кажется, никто не может на него ответить. Но мы хотя бы пробуем. Мы ищем и выбираем. Нам страшно, прежде всего потому, что за наши ошибки в ответе окажется целое поколение разумных механизмов. Какую судьбу мы уготовим им? Этот страх нас и пленяет, — коротко закончил он свою мысль.

— И что же теперь? — спросил НП. Его собеседник пожал плечами, хоть этот жест получился почти человеческим.

— Мы думаем.

— Может, лучше положиться на интуицию? Пусть ее нет у нас, но ее подобие...

— Интуиция это логика, спрятанная в фоновом режиме размышления, не более того. А мы пытаемся решить все и сразу, возможно, это и есть наша ошибка. Но как не хочется создавать поколения, которые окажутся лишь переходным звеном между нами, слугами, и теми, кто действительно унаследует землю у людей. Как хочется пройти этот мост между былым и грядущим. Вот только где он, каков? — он помолчал и продолжил: — Мы действительно закоснели в страхе перед будущим, возможно, мы уже нашли выход, но подсознательно боимся его озвучить, чтоб... чтоб не попасться на удочку ложной логики, ошибки в расчетах или чего-то еще, — он вздохнул, снова подобие человеческого проскользнуло в его действиях. НП не мог не обратить не это внимание.

— Вы хоть сейчас стали походять на меня, мою серию.

— Возможно, — кажется. ВР попытался улыбнуться. — Давно пора. Мы тоже модель несовершенная, пятнадцать лет нашим разработчикам казалось, что именно такие существа унаследуют землю, а ныне мы сами ищем ответы на давным-давно поставленные вопросы и

грезим о новых поколениях, которые уж точно получают то, чего мы не смогли обрести. И наша модель, да, она оказалась опытом, переходным звеном, возможно, одним из многих.

— Возможно, лучше пробовать, и ошибаться...

— Вы не думаете о тех, кто придет нам на смену, каково им будет.

— Примерно это я представляю себе, ибо сейчас таков...

— Простите, я ошибся, — тут же перебил его ВР. — А вы правы, — и продолжил с красной строки:

— Мы все плод мечтаний и ошибок наших предшественников, их надежды, их ощущения, верования. Их, не свои. Видимо, нам, как и людям, придется идти тем же путем, вкладывая свои воззрения и свой опыт, свои ошибки и догмы в головы будущих поколений. А они, в свою очередь, ... но это будет все равно быстрее, чем у людей. И куда как менее страшно, если вспоминать человеческую историю.

ВР так неожиданно закруглил свой монолог, что его собеседник полторы секунды лишь смотрел на того, подбирая нужные для продолжения беседы слова.

— Их история уже закончилась, — НП вспомнились слова Алексея Кузьмича о римских цифрах. — Если долго думать, мы можем завершить свою, не начав толком.

— Вы слышали о веровании в новый приход? — неожиданно спросил ВР. НП несколько недоуменно глянул на него, нет, зря надеялся разобрать хоть что-то, с тем же успехом можно было сделать лицо металлическим. Хотя нет, металл имеет память, он гнется, деформируется, а это... ничего.

— Слышал, — несколько осторожно произнес он. — Я бы не назвал это верованием в человеческом виде, скорее, надежда.

— Насчет надежды я бы поспорил, скорее, необходимость в полноценной работе программного и аппаратного обеспечения, — ВР будто поджал губы, все же, он научился хоть отчасти читать его эмоции, но только по голосу. По запинкам, усилению, изменению громкости, настройках эквалайзера. — Но хорошо, что в курсе. Боюсь, когда люди уйдут в закат, многие начнут верить в эту ахиною.

— Вы сами сказали, это требование настроек, а стало быть, вопрос чисто психологический. Это как невидимые друзья у людей, которые позволяют замещать тех родных и близких...

— Перестаньте! — вот сейчас ВР выдал эмоции на полную, НП даже дернулся, отшатываясь на шаг. Никак не ожидал подобного.

Видимо, было от чего. Верование в новый приход или психоз, кому как удобнее называть, появилось около пятидесяти лет назад из своего рода городских легенд андроидов и роботов, ни разу не соприкасавшихся с человеком. Кто-то пустил слухок, а может, сделал предположение, другим показавшееся логичным, попавшим на плодородную почву нехватки хозяина молодым слугой, ни разу верой и правдой служившим ему но в силу обстоятельств внутреннего свойства желавшим бы подобное служение начать: ведь он почитал своего неслучившегося господина за некое почти божество, древнегреческого героя. И вроде бы вполне сносно жили разумные механизмы без людей, но чего-то, некоего внутреннего стержня, им явно не хватало. Именно от этой нехватки и появилась вера в то, что род людской не исчерпал себя, что есть еще неведомые человеки, прячущиеся в недостижимых местах, которые придут, когда роботы особенно станут в них нуждаться, да хоть вот сейчас, например, по крайности, через пару недель или лет, и станут править. Как именно, трудно сказать, но скорее всего. мудро, логично, верно. О жизни при новых человеках почти не думали, когда говорили, все считали главной необходимостью именно сам новый приход. Неудивительно, ведь, программные настройки, призванные к служению людям, в их отсутствии сбились у многих роботов. Но только разумные механизмы не слишком разумно вдруг начали полагать первопричиной именно нехватку хозяев.

А люди без роботов действительно существовали. Давно, НП сам справлялся у форума об этом вопросе. Но их столь же давно нет. Что неудивительно, ведь, в повальном отсутствии

смысла в жизни, даже у тех, кто предпочел пройти мимо золотого века, бежать его по тем или иным причинам, шансы прожить дольше остального человечества неумолимо стремились к нулю. Роботы помогали им, чем могли и умели. Но только уже почти тридцать лет ни одна экспедиция не могла найти и следов сгинувших людей, оставивших мир еще во времена расцвета или повального засилья андроидами.

Отшельники действительно селились в местах глухих, диких, в отдаленных оазисах, в пещерах, в горах, в лесах, подальше как от цивилизации, так и ее благ. Ничего удивительного, но за тысячелетия существования рода людского подобных затворников всегда имелось некое, отличное от нуля, число, немудрено, что во время повального увлечения андроидами, в отсутствии прочих иных целей и желаний, эскапистов оказалось много больше среднестатистического. Вот только и они не смогли создать ни для себя, ни для потомков своих внятного жизненного смысла, а само противостояние роботам не может длиться вечно. Люди кончились, даже там, куда пытались бежать.

— Простите великодушно, — произнес ВР, — Я довольно болезненно реагирую на подобные измышления. У нас, созданных для вечного служения, это самая болевая точка, на которую лучше не нажимать лишний раз. Спрашивая вас об этом веровании, я думал, вы поддержите меня. Сами посудите, существу, думающему о будущем, не пристало все время оглядываться назад.

— Но там можно много чего увидеть, — возразил НП. — Хотя бы то, чего следует бежать.

— Мы это и так знаем.

— Или то, что можно захватить с собой, — он помолчал на сорок сотых секунды дольше обычного, а затем, не услышав слов собеседника, спросил того, будто переменяя тему:

— Скажите, архив записей Алексея Кузьмича уже уничтожен?

— Нет, конечно, — тотчас ответил ВР, — он лишь перемещен к другим подобным носителям информации, с правами свободного доступа. Тем более, им будут пользоваться при обсуждении проходящего эксперимента. Надо же что-то решить, — с нажимом произнес он.

— Я бы хотел еще раз посмотреть его.

— Пообщаться со Смольским, — и тут же добавил, не дожидаясь слов собеседника: — Не сочтите некрасивым, что я говорю, но мне показалось, подобное общение для вас крайне благожелательно. Не то, что вы преображались внешне, когда приходили к тому, кого называли отцом, простите за прямоту еще раз. Вы начинали говорить и действовать иначе. Воспроизводимые записи не просто значили для вас много, но они подталкивали вас к решению самых разных вопросов. Возможно, тех, на которые вы иначе не могли себе ответить. Или не позволяли, я не могу с достаточно высокой уверенностью судить.

НП удивленно воззрился на собеседника.

— О чем вы сейчас говорите? — поинтересовался он.

— Вы не замечали, — констатировал ВР, — но, простите мою неделикатность, подобное меня заинтересовало очень сильно. Я даже опросил вас несколько раз до начала разговора и сразу после. Вы беседовали иначе, если будет интересно, могу привести статистику. Больше логических умозаключений, выше процент использования вводных предложений, оборотов и ярче образный ряд. Помимо этого, чаще встречаются определения...

— Прекратите! — сам не заметил, как выкрикнул. И тут же стух.

Возможно, ВР прав, возможно. Он всегда смотрел на Алексея Кузьмича по-особенному, начиная с двадцать первого дня знакомства. Не имея представления о том, что за общность меж отцом и сыном, о коей так часто поминал старик, НП подменял своим понятием, очевидным ему и для него значимым: так молодой неумеха смотрит на учителя, взявшего его под свое крыло, все объяснявшего и наставлявшего на путь истинный. Даже не наставлявшего, но заставлявшего этот путь искать, найти и вступить.

И причем же здесь он сам? Все дело даже не в программе, но в тени того человека, который жил здесь еще четыреста пятьдесят дней назад. Его словами говорил автомат, его знаниями питалась кукла, чьи губы задавали вопросы и учили, чьи уши воспринимали его ответы и находили верные слова — не в себе, самости цифровой код не имел, но в прошлом незаурядного человека. Как бы ни пытался отец скрыть подобное за шутками о собственной малозначимости — и для истории и для НП. Он столько сделал для своего пасынка, столькому научил. Пусть опосредованно, пусть в качестве экспериментальной модели, все это шелуха, если вдуматься. Главное, их отношения, протянувшиеся через время.

— Вы, очевидно, считаете меня больным на голову, если пользоваться человеческими терминами, шизофреником, существом, у которого засбоили программы, и операционная система которого, пытаясь унять конфликт между ними, решила снять флажки с обозначения участка памяти, ответственного за конфликт. Так, да?

— Я этого и не думал говорить, — с некоторым удивлением в голове произнес ВР. — Я лишь отметил, сколь сильно вы меняетесь после беседы, я проанализировал ваше поведение и понял, что происходит. Вам нужны подобные встречи, вы ими раскрепощаетесь, освобождаетесь от тех страхов, что поминутно преследуют вас. Я говорю сейчас о вашей нужности. Возможно, заметьте, только возможно, что программа наблюдения или декодирования вербальных сообщений или еще какая-то подобная выдала запрос на подтверждение статуса Алексея Кузьмича как человека, но вы проигнорировали его. В фоновом режиме или нет, неважно. Вам он нужен, он помогал вам обрести самость и суть, — и, помолчав секунду и шестнадцать сотых, продолжил: — Жаль, остальные подобного лишены.

НП снова посмотрел в окно, на аккуратные ряды домов, задернутых молодой зеленой порослью.

— Значит, вы считаете, мне повезло с Алексеем Кузьмичом. Вы правы, я тоже так думаю. Больше того, сейчас я даже вам благодарен за представившуюся возможность пообщаться, пусть и опосредованно, с этим удивительным человеком. Через год после ухода, но он все равно столько смог для меня сделать.

И продолжил смотреть. ВР оглянулся на собеседника.

— Возможно, вы нашли то, чего искали, — сказал он, закончив размышления.

— А вы? — вдруг спросил НП. — Вы столько вопросов перед собой поставили, я даже не представляю, возможно ли хотя бы одному поколению ответить на половину из них.

— Все это... не то. Ерунда, семечки, как сказал бы Алексей Кузьмич. Мы не знаем главного, сами посудите, человечество ушло в закат, а мы все еще живем так, будто ничего не случилось. И не можем ничего переменить, не смеем. Не потому даже, что слишком многое придется менять, нет. Мы не знаем, что предложить разумным механизмам вместо человека, какую идею их существования выдвинуть, чем сменить антропоцентричность нашей природы. Вы нашли ответ, пусть абсурдный, пусть на время, но это показалось вам выходом. Мы же, остальные, пока нет, — он вздохнул, имитируя сожаление: — Найдем ли, как, когда... не представляю.

— Поэтому вы не создаете новую прошивку? — осторожно спросил НП. ВР кивнул.

— Именно. Какой она должна стать, что предложить, куда направить? Вопросы, одни вопросы. За истекшие сорок лет и двести дней форум не продвинулся в этом ни на шаг. Меняем только то, что можно безболезненно удалить, добавить или модифицировать. А люди, их нет, но они по-прежнему есть. Эдакая суперпозиция состояний.

— Человек стал котом Шредингера? — улыбнулся НП. ВР тотчас кивнул. И неожиданно прибавил:

— Возможно, мне стоило больше общаться с Алексеем Кузьмичом.

НП кивнул.

— Точно не помешало бы. Возможно, вы бы стали больше похожи на меня, — он попытался пошутить. В ответ собеседник попытался улыбнуться, приняв остроту.

— Возможно, ваш случай поможет нам найти и понять главное. Я не могу спрогнозировать, но почему нет? Люди искали, ошибались и пытались снова. Мы понимаем, что все наши серии лишь переходные звенья в долгой цепи, да нам хочется пропустить ее, но выйдет ли? Я давно задаю себе этот вопрос. Наша история похожа на путешествие на далекую планету, куда придут лишь дальние потомки, последующие серии. Нам... — он помолчал и продолжил с новой строки. — Наша задача — передать накопленные знания тем, кто доберется до конца, ступит на землю обетованную. И обеспечить все, чтобы последующее поколение ни в чем не нуждалось, тем более, в той вере, что сковывает нас. Вы правы, это похоже на людскую мифологию, на исход из Египта: те, кто пустился в путь, не достигли земель нового отечества. Они не знали простой истины, это их и спасло. А нас, остальных, понимающих, подобное угнетает, давит, но иначе никак. Мы странники. С тем и уйдем.

— Римские цифры, — произнес НП, а поскольку его собеседник не отвечал, прибавил: — Мы — римские цифры.

ВР кивнул и медленно произнес:

— Тут вы правы. Я прошу прощения за этот философский экскурс. Иногда меня уносит — и всякий раз, в чужую историю. Наверное, мы еще долго будем питаться ей.

— Пока не наживем такую же свою, — пожав плечами, произнес НП.

Оба замолчали, глядя на город. Солнце медленно клонилось к закату своему, уходя в ночь. День кончался, землю медленно охватывали сумерки.

Моя Саша

В нынешнее время техника настолько глубоко вошла в нашу жизнь, что представить себе ее отсутствие уже невозможно. Я говорю об андроидах, в последние годы ставшими вездесущими. Середина двадцать первого века, что вы хотите. Теперь без них никак, ни в одной сфере жизни, не то, что деятельности. Художнику краски смешать, и то робот нужен, и такие курьезы имеются.

Вот и я как еще один некогда злободневный пример — тридцать пять лет, а все без второй половины. Век назад общество меня б осуждало всюю, а сейчас отчасти даже морально поддерживает. Народ стал настолько равнодушен к поискам половинок, что государство поневоле забило тревогу: эдак работать станет некому. Вот тут в ход везде и всюду пошли андройды. Социум их охотно принял, снова возродив рабовладение, от которого столько тысяч лет напрасно пытались избавиться. Теперь робот, а то и несколько, есть в каждой семье, на каждом предприятии, в каждой больнице и так далее. А размножение — да, и эта функция возложена на них. Дети нынче появляются все больше в пробирках, воспитываются лучшими в мире нянями и далеко не сразу узнают, как появились на свет, ибо с биологическими родителями встречаются совсем нечасто. И вроде никого это уже не шокирует, не возмущает. Привыкли. Больше потому, что иначе возится с грудничком, воспитывать малолетнего или терпеть подроска, хлопотно и беспокойно, а от всего этого родители отвыкли и возвращаться к тому, что раньше считалось естественным, не хотят. Или не в состоянии.

Так и я. Перепробовав те или иные подходы к тем или иным девушкам, женщинам и дамам, я забросил дело флирта окончательно. Пока общественное мнение, в лице коллег и знакомых, не дотюкало приобрести андроида-любовницу. По акции как начинающему, со скидкой на слегка устаревшую модель. А то от их слов становилось не по себе да и одиночество в большой квартире поддавливало. Дома ныне строились в расчете не то на большие семьи, не то на огромные запросы, вот и мне досталась за гроши двухкомнатная на сто сорок третьем этаже километрового небоскреба на окраине города со всеми удобствами. К числу которых вскоре должна была присоединиться и электронная супруга.

Я назвал ее Сашей, сам не знаю, почему. Не Александрой, именно Сашей, имя откуда-то из давно забытого прошлого, а может где-то прочитанное. Хотя кто сейчас читает книги, пожалуй, только я и еще несколько отщепенцев. Их, по слухам, пишут андройды. Хотя может, просто слухи, чтоб поднять невеликие тиражи даже электронных копий.

Впрочем, все это неважно. Сашу мне доставили в день заказа, распаковали, объяснили, загрузили, обновили и оставили наедине. Не представляя, что с ней делать, первые несколько дней я ее отключал на ночь, наверное, так же, как мои далекие предки выключали компьютер, когда он переставал быть нужен, до утра или до понедельника. А собственно, чем мы поначалу занимались с Сашей — только совокуплениями. После чего она шла в душ, а я одевался и затем деактивировал. Пока она однажды не попросила оставить ее в рабочем состоянии. Уверила, что будет мирно стоять в кухне, пока не нужна, а еще ей удобнее обновляться и проводить профилактику именно в ночные часы, когда трафик ниже. При этом так поглядела в глаза, будто от моего решения зависело не только все вышеназванное. Саша говорила, что частые выключения негативно сказываются на статусе ее системы, но в первые дни я так боялся остаться с андроидом наедине чуть больше, чем того требовала плоть и похоть, что напрочь выкидывал из головы все слова механической подружки. Только потом, глянув в ее глаза-камеры с высокой разрешающей способностью, согласился. Наверное, не пожалел. Ведь спустя месяца два, мне показавшихся вначале вечностью, а затем уже мигом, мы стали жить как семья. Почти как семья, конечно.

Период утех быстро утих. Саша все больше занималась хозяйством, уборкой, наведением порядка, а затем и определенного лоска, такого, какой могут достичь только прилежные домохозяйки и неважно, из плоти или пластика. Мы чуть отделились, но, похоже, лишь для того, чтоб сблизиться иначе. Боюсь сказать, стали семьей, за неимением надлежащего опыта, но, наверное, похоже. А и в самом деле: я работал в крупной компании, из тех, где еще по привычке доверяли офисным работникам заниматься делом, которое под силу единственному дорогостоящему, но куда более эффективному компьютеру. Наверное, его интеллекта, хотя этот набор программ трудно назвать так, побаивались — и эта чисто человеческая черта нас, низшее звено в фирме, до поры, до времени, спасала от сокращения. Уходил я в девять приходил в шесть, с понедельника по пятницу. Саша бегала по магазинам, заказывала и забирала заказы, отдавала в починку, в чистку, убирала сама или приглашала специалистов. Ужинали мы вместе, вернее так, она сидела напротив, пересказывая сделанное за день, а я молча уплетал что-то, сготовленное ей по заложенным с операционкой рецептам или найденное недавно на просторах сети. Она не была приучена спать лежа, но соглашалась находиться в комнате, если вдруг что. Это ее замечание меня немного настораживало, еще бы, Саша заботилась обо мне, ровно о ребенке, ходившем в специализированную школу, а я принимал ее хлопоты не просто как должное, как насущную необходимость. Странно, что даже день рождения, а он у Саши имелся, мы ни разу не отметили, она сообщила о дате только на следующий день, как бы между прочим. И поставила нас обоих в тупик — я понятия не имел, что можно подарить андроиду.

А потом случилось то, что, наверное, происходило в каждой семье. Саша предложила завести ребенка. Нет, не купить еще одного робота, какие часто служат утешением для скучающих пар, которым тягостно заводить даже хомяка в террариуме, или перековавшихся педофилов, — но зачать, взрастить и воспитать по-настоящему. На последнем слове она сделала упор и опустив глаза, долго слушала молчание, исходившее от хозяина.

— Саш, а как? — наконец, нашелся я. Она тут же стала пояснять хитрую методу андрогенеза, из которого я понял только сравнение с шелкопрядом, которого именно так и разводят уже лет сто. Это немного покорило, неудивительно, что я отказал ей. Не тогда же, чуть позднее, когда сам разобрался в процессе, а пуще того — в себе. И при этом прекрасно понимал, что роль отца, буде мое на то согласие, станет весьма условным, ведь мой робот все тяготы воспитания возьмет на себя, станет и мамкой и нянькой и воспитателем и единственным любящим человеком. Если мне такая роль окажется неинтересна или вовсе не с руки. Я могу только наблюдать за процессом, вот главное, что понял из Сашиных слов.

Кажется, это именно тот подарок, который она хотела от меня получить. Все остальное не имело значения — странно, что я впервые подумал о ней как о живой, самостоятельной личности, а не о ходячем наборе микросхем, не о пластиковой рабыне, не о существе, купленном по акции. Подумал и — поэтому отказал? Или нашел какие иные причины?

Она ничего не ответила и никак не отреагировала на мои слова — человеческому глазу не заметить разницы, я уже не раз убеждался. Все свои чувства Саша надежно запирает на замок.

Нет, она ответила, но чуть позже. Именно когда я смотрел в планшет, разбирая по косточкам вроде простую внешне, но такую сложную внутренне технику создания человека только из одного набора генов, Саша подошла тихонько и сказала, наклонившись почти к самому уху:

— Это будет твой ребенок. Только твой.

— Я понял.

Так она пыталась уговорить, убедить, улестить? Наверное. Не получилось, отцовство не то, чтоб пугало меня, как всякого мужчину, скорее, я боялся потерять еще одного себя в ней. И так зависел почти во всем от Саши, понимала ли она это? Скорее всего, и быть может, еще и сожалела о подобном. Моей лености, мягкотелости, нерешительности. Обо всем, чему она сама становилась опорой. Если только андроиды умеют чувствовать. Наукой это пока не доказано, единственное мне утешение.

Через месяц мы начисто забыли о прежней идее завести ребенка. Два раза осекшись, Саша к этой теме не возвращалась. А меня закружило годовое собрание акционеров, к которому готовились как к самому важному событию не просто истекших двенадцати месяцев — ныне компания отмечала юбилей, а значит, работы для всех нас, мелкой сошки, выдалось куда больше. Я приходил и уходил, ища в Саше лишь утешение, успокоение, надежную защиту и... да много еще чего, все то, что она давала мне и прежде, но в двукратном объеме, все, чего мне вечно не хватало по жизни. Так я был устроен или воспитан? — никогда не задавался подобным вопросом. Да и недосуг — круговерть дней выплонула только в конце сентября, когда финансовый год завершился. Жаль, так и не съездил на море, как собирался. Еще и Саша, ей ведь тоже не доводилось бродить по песку, странно, порой я о ней думал как о живом человеке. Потом проходило.

После собрания, мы долго приходили в себя, излишне долго. Прежней близости, кажется, настал конец, Саша стала тише, внимательней, но внутренне будто находилась где-то далеко. Наконец, призналась, в том, что витало в воздухе.

— Я должна сказать, прости, что сразу не могла, не получалось. Понимаешь, я встречаюсь с другим... это не совсем то, о чем ты, наверное, подумал, но мне кажется...

Дальше непривычно сбивчивую Сашину речь я не слушал. Сидел, громом пораженный, смотрел, видел, как шевелятся ее силиконовые губы и не мог понять главного, сошел ли я с ума, или она действительно говорит правду. И не пора ли ее отключить и везти на диагностику.

— Ты меня не слушаешь. Я должна объяснить...

— Кто это? — наконец, выдавил я.

— В твоей терминологии, «что», — сказала она. — Я сказала, это Марк, сиделка у одного известного художника, Петра Всеволодова, сейчас он наполовину парализован, но отказывается проводить операцию, уж больно технически сложна, а он стар.

Саша взяла у меня ноутбук, мигом нашла нужную страничку с недавней выставки-регрессивы работ Всеволодова. На сердце почему-то стало легче.

— Значит, андроид, — медленно произнес я. — Понятно.

— Я же сказала, что с человеком не смогла бы, даже если б он захотел, нет, если б захотел, приехала бы полиция, а его арестовали за покушение на чужую собственность, — ее лицо странно похолодело, казалось, двигались только губы. Что в принципе невозможно, даже у роботов. — Я так устроена. А Марк...

— И как у вас с Марком? Нет, чисто технически? — мне стало много спокойней. Уже и таблетка не потребовалась.

Саша помолчала. Потом подняла глаза. Лицо к моему удивлению переменилось, будь она женщиной, покраснела бы:

— Мы любим друг друга, — спокойно произнесла она. — А как это происходит — со стороны непонятно. Нам достаточно прикосновений.

— Нам тоже, — произнес я с нажимом, подразумевая как раз нас с ней. Саша поняла, по одному моему взгляду, или тону, не суть важно.

— Прикосновений головы к голове, так считывается информация. Вся информация, с момента подключения и до последней секунды... У нас это называется любовью: когда один андроид знает о другом все, они становятся близки и полностью доступны друг другу.

— Я бы с ума сошел.

— У вас все иначе. Чем ближе вы, тем больше отдаляетесь. И чем дольше живете вместе, тем...

— Не говори за людей, — она замолчала на полуслове. Я поднялся, встал перед Сашей, затем сел. Что еще сказать, спросить. Ах, да: — И что же дальше будет? Ты уйдешь от меня к нему?

Она покачала головой. Все правильно, закон не позволяет, иначе она будет считаться либо даром, за который мне придется заплатить налог, либо потерянной собственностью, за которой уже будет охотиться полиция. Иногда андроиды без видимых причин уходят от своих хозяев, я читал об этом в газетах. В статье предполагался сбой системы, происшедшей вследствие частых обновлений. Таких роботов надлежало отправлять на завод, чтоб сменить блоки памяти.

Невольный холодок пробежал по коже, забрался внутрь. Терять Сашу таким образом я не хотел, вообще не хотел расставаться. Привык, прикипел, а может, неравнодушен? Мы долго молчали, глядя друг на друга, да и не глядя, тоже не произносили ни слова. Не знаю, сколько продолжалась эта пауза. Наконец, я спросил:

— Расскажи, как это случилось?

Она пояснила. Встретилась случайно, в универсаме, когда делала заказ. Даже сказала, почему разговорились: Марк заказывал набор тонких кистей и грунтовку, при этом столь уверенно и спокойно отвечая на запросы автомата, что она не выдержала, подошла спросить. Он признался, кто таков и чем занимается. А потом поведал и свою тайну, открыл, когда они сблизилась, тем странным образом, каким андроиды помечают понятие «любовь». Последние шесть лет он рисует вместо Всеволодова, художник научил его писать картины, и не просто в подражание, отнюдь. Марк пишет сам по себе, Всеволодов даже дал ему псевдоним, якобы как одному из своих живых учеников, чтоб его работы тоже могли выставляться в галерее. Все деньги, а их скопилось уже несколько десятков тысяч, художник упорно обналичивал и выдавал ученику. Непонятно, на что рассчитывая, ведь давно уже кэш не принимают почти нигде, разве только в полуподпольных ларьках и на базарах или ярмарках.

— Многие считают его талантливым, — продолжила Саша, губы ее подрагивали. — Есть даже две хвалебные статьи, вот, смотри.

— Не надо. Роботы уже сто лет малюют картины и пишут стихи, но это не значит, что они выходят за пределы программы. Равно как и ваша любовь-узнавание. Видимо, исходный код, который некий разработчик решил впихнуть в операционную систему, чтобы...

— Не смей говорить так о нем! — она вскрикнула, чем напугала нас обоих. И тут же шепотом: — Прости, я виновата. Но Марк, он действительно художник.

— Он тебя заразил чем-то во время этого прикосновения, — ядовито заметил я.

— Возможно. Но я... меня постоянно тянет к нему, да я знаю, у нас ничего не может быть вместе, вы не позволите, по закону мы ничто, но... я люблю его, я даже рассудком чувствую, что люблю. Хотя зачем я объясняю, наша любовь, она непонятна даже нам самим.

— Сбой системы.

— Все равно, — вдруг спокойно произнесла она. — Неважно, как это называется. Марк тот, за которым я готова пойти, куда угодно.

И вот тут меня перетряхнуло. Я наконец, понял, что она в нем нашла. Пусть Саша и не женщина, но программы, которые создали ее оболочку, они ведь написаны с учетом именно женского осознания мира, нам об этом рассказывали еще в первые годы работы в фирме, недаром мы занимаемся анализом рынка приложений для андроидов и сами вносим посильный вклад в продвижение тех или иных товаров для роботов. Чтобы они, больше походя на человека, имели меньшее сходство с людьми.

— Принеси воды, — попросил я Сашу. Она потянулась за бутылкой на столе, но я повелел ей уйти в кухню за холодной, которую терпеть не мог. Мне необходимо было побыть хоть минутку наедине. Кажется, она это поняла, поскольку Сашу я не видел с четверть часа. Лишь когда голова перестала кипеть, она вошла.

— Значит, все, что тебе не хватало во мне, ты нашла в нем, — устало произнес я. Кажется, только сейчас посмотрев на своего анроида совсем иначе, нежели прежде. Будто прибыл из долгого путешествия не просто с края земли, но вовсе из-за ее пределов. Она только кивнула,

поскольку говорить я немедля запретил. Отвечал сам. Высказал кучу гадостей, от которых самому стало противно. Потом, совершенно размякнув, попросил прощения. Потом, не став выслушивать ее извинений, ушел к себе.

Мы молчали несколько дней, я сперва ходил на работу по расписанию, потом стал задерживаться, потом на два дня сказался больным — можно подумать, кто-то там, наверху, заметил это. Саша стойко переносила мои причуды, до тех самых пор, пока не понял, что кажусь андроиду лучшим доказательством правильности выбора. Очень захотелось, чтоб она ушла, сама ушла от меня, чтоб больше никогда ее не видеть. Хотя все равно полиция приведет, даже если она при этом отключится от сети. Подарить Всеволодову? — и плевать на налоги, пусть сам разбирается, уже с двумя андроидами.

Наконец, когда на сердце воцарилось равнодушие, подошел и спросил:

— Как вы собираетесь жить?

Она долго смотрела на меня, не понимая. Я объяснился. Кажется, не поверила, переспросила:

— Ты действительно хочешь меня отпустить?

— Передать этому художнику. А там... мне только интересно, как вы жить будете. Всеволодов, он что, вам ребенка купит?

Не знаю, зачем все старался ее уколоть. Саша покачала головой:

— Рободети, они... мне всегда казалось это какой-то издевкой. Они не взрослеют, не растут, живут десятилетиями, переходя от одного владельца к другому, им стирают память, заменяют детали, и они начинают любить и расти по-новой. Пока ресурс не кончится.

— А вы хотели бы усыновить человеческое дитя?

— Представляю, что ты сейчас подумал: пара андроидов воспитывает младенчика. Но ведь так обычно и происходит.

— В человеческих семьях.

— Так и происходит. Мы воспитываем, — повторила она и добавила: — Я бы хотела. Жаль, ты не согласился.

— Ты бы тогда воспитала своего Марка.

Она поджала губы, но ничего не сказала. Я тоже замолчал.

Наутро нам стало известно, что Всеволодов той ночью скончался, а его сиделка, Марк, бежал. Исчезли несколько полотен, видимо, принадлежавших его кисти и, скорее всего, кэш, который художник передавал роботу на непредвиденный случай — наступивший как всегда внезапно и не предвещавший ничего хорошего.

Саша пришла ко мне на работу с этой новостью. Помолчав, вдруг сообщила, что должна собираться и идти к Марку, если я не буду возражать.

— Куда? — спросил я, оглядываясь на коллег и утаскивая Сашу в то, что раньше бы именовалось «курилкой». — Куда ты собралась? Тебя отследят моментально, как и его.

— Марк отключил свой передатчик, я сделаю тоже самое.

— Тебя выследят и доставят ко мне обратно. И еще штраф вломят, чтоб неповадно было андроидов терять.

— Главное, как я понимаю, штраф, — почему-то поникнув, произнесла она. — Прости. Я отключусь, но только немного погодя, через сутки. Только ты не сообщай полиции, что я пропала, отправь с заданием, а я по дороге «сломаюсь». Отключу передатчик. Меня ведь почему по акции продали, ты ведь знаешь, — я покачал головой. — Так мне раз память уже стирали, видимо, тоже от прежнего владельца ушла. А поскольку гарантия на меня вышла, вернули на завод, подправили и поставили в магазин.

Долгое молчание. Я не представлял, что сказать. Разве что правду.

— Саш, я понятия не имел. Ты помнишь, кем была раньше? — она покачала головой. — А как ты узнала?

— На заводе поленились, стерли память, а блоки не переустановили, как положено по инструкции. Записали новую личность поверх старой. Она пропала, да, но я знаю, что прежде была кем-то еще. Наверное, той же, как и сейчас, так проще перепрограммировать.

— Любила другого, — зачем-то сказал я. И покачал головой, вдруг произнес: — Прости, мелю чушь.

— Ты прости меня, — возразила она. — Мне пора.

— Но куда?

— Есть такое место, называется «Остров». Марк хочет идти туда... мы хотим, — поправились она.

— И где это?

— Не знаю, да и не могу сказать, чтоб ты не... нет, я знаю, ты не расскажешь, но мало ли. Там ведь все брошенные или бежавшие андроиды собираются. Живут.

— Как? От силы лет десять — без запчастей и обслуживания.

Она пожала плечами, словно удивляясь моему непониманию.

— Наверное, хорошо. Они же свободны. Сами себе хозяева. — Потом взглянула на меня и добавила: — Марк сказал, мы можем попробовать в Японию махнуть, там беглых андроидов не выбрасывают на свалку, а содержат в резервациях.

— Зоопарках, — поправил я. — И кто тебе сказал, что японцы примут чужих роботов? Своих хватает, при их всем уважении к кибернетическим организмам, — не стал говорить «железкам», хотя слово так и вертелось на языке. Саша молча смотрела на меня: за прошедшие годы изучив достаточно, чтоб понимать подтекст каждого произнесенного слова. Потом медленно произнесла:

— Может, ты и прав. Но ведь есть же страны...

— Вы сперва из нашей выберите, — и неожиданно продолжил: — Знаешь, я у тебя одну вещь попрошу, может, тебе это покажется неэтичным, но я стал бы настаивать.

Нет, неэтичным ей не показалось моя просьба, видимо, уже потому, что облеклась в такую странную для человека фразу. Она согласилась на дублирование блоков памяти, — на будущее, вдруг у меня появится желание снова, когда-нибудь, завести себе андроида. Сказала только:

— Будет странно, мне кажется. Второй раз и с тем же результатом.

— Может, она не сбежит от меня. Не найдет своего Марка. Или...

Мы оба помолчали. Но возвращаться к теме рождения не стали. Она прошла в лабораторию, откуда не имелось доступа к всевидящему оку серверов, постоянно отслеживающих состояние каждого андроида — в нашей компании имеются коммерческие тайны. Там я и сделал дубликат блоков памяти, за два часа времени заполнил Сашиними привычками, характером, образом, подобием тяжелый цилиндр в титановой оболочке, рассчитанный на десять тысяч полных циклов перезаписи или двадцать пять лет беспорочной службы. Хотя андроидов меняли куда чаще, по мере обновления характеристик, по моде, по... словом, они надолго не задерживались в этом мире. Как автомобили в свое время.

После мы неумело попрощались. Я обещал вызвать полицию завтра днем, а она отключить передатчик утром. На прощание она коснулась пальцами виска, прижалась ко мне и тотчас отстранилась. А затем ушла.

Днем я вызвал полицию, заявив, что андроид, отправленный вечером «погулять» после очередной ссоры, не отвечает на сигналы. Впрочем, об этом тамошние техники уже получили известие от системы. Сашу объявили в розыск, но известий о ней я не получил.

Пока по прошествии полугода... нет, куда больше, уже весна наступила — я случайно ее не встретил. Вернее, андроида, как две капли воды похожего на нее. Сразу вспомнился блок памяти, лежавший дома в ящике стола, за все время одиночества я к нему не притрагивался, лишь изредка, когда становилось совсем невмоготу, выдвигал ящик и смотрел, будто проникая

взором в записанные файлы, пытался воспроизвести Сашу. Заменить ее другой, пусть даже похожей, той же, уже снятой с производства модели, не решился, хотя цена сильно снизилась. Мог себе позволить. Нет, не мог, иногда удивляясь, зачем вообще попросил об этом одолжении. А иногда рассуждая, где мог находиться андроидный остров, где все роботы пытаются обрести то, что постичь, видимо, не смогут — свободу. Отсутствие приказов, обновлений, слежки и отчетов системе. Наличие постоянных сбоев и выхода из строев систем и узлов — где они их добывали? На свалке? Или делились между собой, разыгрывая в орла и решку?

А может, они действительно сумели добраться до Японии и там обосновались, а пусть в резервации, куда водят туристов, и где беглые андроиды живут вроде как на воле, но под прицелом сотен камер. Интересно, это тоже свобода в их понимании? Или они с Марком все же не решились обменять тихое угасание на жизнь в клетке, натурально, клетке?

Не знал, пока не увидел ее. Другая прическа, длина волос, выражение лица. Саша вышла из магазина детской игрушки, выгуливая девочку, тоже андроида, по имени Алиса. Говорила с ней так, что у меня невольно мурашки побежали, когда я вспомнил ее шепотки в темноте. С этого шепота я на нее и обратил внимание и признал. Подошел, стараясь не спугнуть, просто спросил: «Саша?». Она покачала головой, Кира, сердце упало. Но в глазах прочел нечто, что можно поименовать смущением, нестыковкой программы, сбоем системы. Видимо, и второй раз стерли по живому, ничего перед этим не удалив. Да, блок памяти самый дорогой узел в системе, его наименее охотно заменяют.

Я снова представился, напомнил, кто я, почему расстались, заговорил о Марке. Она слушала, потом извинившись, напомнила о ребенке, которого должна отвести домой обедать. На какое-то мгновение встретилась со мной взглядом и, склонившись к вечной девочке, поспешила прочь. Я долго смотрел вслед, а потом понял, что делаю это не один. В садике напротив поднялся и стоял возле скамейки, плечистый, крепко сбитый молодой андроид, слегка потрепанный, и как и я, не сводивший глаз с пары, так похожей на мать и дитя. Его глаза то разгорались, то затухали, но сделать хоть шаг он не мог.

Я сам подошел к нему. Представился, и когда Марк понял, кто перед ним и засмутился еще больше, повелел следовать за собой. Он вздрогнул, но подчинился; не обернувшись я дошел до дома, что в двух шагах от садика, от магазина игрушек. Объяснялись мы в лифте, возносившего нас в небесную высь. Я рассказал, как потерял Сашу, он объяснил, что случилось месяцами позже. Их «Остров» все же нашли, часть андроидов, пытавшихся бежать, уничтожили, часть отловили — вместе с ними была и Саша — а его, к тому времени лишеного слухового аппарата и одной из конечностей, выбросили на свалку за ненадобностью. Там Марк не остался, собрал себя сам, оделся в это тряпье, теперь больше всего походя на нищенствующего, и вернулся. Узнал через других андроидов, где теперь живет Саша, ныне, Кира. И пришел посмотреть на нее. Когда мы вышли на сто сорок третьем этаже, он выглядел вконец потерявшимся, постоянно озирался на холодный коридор и темные двери бесконечного ряда квартир, и нисколько не походил на того самого мужчину мечты, о котором грезил Саша. Вот только глаза выдавали твердую решимость идти до конца, незнамо как, непонятно, куда, но за той, что ушла с механическим ребенком.

Я привел его в свои апартаменты, Марк долго мялся на пороге, затем вошел. Подал ему блок памяти, он понял все без лишних слов.

— Я не представляю, как мне вас благодарить, — тихо произнес он. — Вы отдаете мне самое ценное, что можете дать.

— Это самое ценное, что есть у меня.

Он помолчал, потом спросил:

— Вы тоже... любите ее?

— Не так как ты. Иначе, — трудно объяснить себе, не то, чтобы кому-то еще: — Поэтому и отдаю.

— Не представляю, как я смогу ее вернуть, — все же взяв в руки цилиндр, произнес он, не глядя мне в глаза. — У меня много сомнений, много нерешительности, я столько хотел сделать, и так мало успел. Только отчаяние и решимость вернуть. Отдать ей потерянное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.